

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Г.М. Нажмудинов, А.Г. Шустров

Проблемы генезиса и развития культуры

Часть I

Ярославль 1997

**ББК Ю66
Н18**

Рецензенты: кафедра философии и социологии Ярославской государственной медицинской академии; профессор В.А. Иванов

Нажмуудинов Г.М., Шустров А.Г.
Н18 Проблемы генезиса и развития культуры / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 1997. Ч. I. 104 с.
ISBN 5-230-20491-5

Монография посвящена исследованию актуальной проблематики в области культурологии - становлению культуры и философского знания. В ней осуществлен анализ трех периодов развития культуры - эмбрионального, первобытного и цивилизационного, рассмотрены некоторые закономерности, предпосылки, условия, источники и причины возникновения философии в структуре духовной культуры.

Материал данного исследования может быть полезным в процессе дальнейшего изучения проблем генезиса культуры и философии, а также в практике преподавания соответствующих дисциплин в системе высшего образования.

Введение написано Г.М. Нажмуудиновым и А.Г. Шустровым; главы I и II - А.Г. Шустровым; глава III - Г.М. Нажмуудиновым.

ISBN 5-230-20491-5

© Ярославский
государственный университет, 1997
© Нажмуудинов Г.М., Шустров А.Г., 1997

Нажмуудинов Гаджи Магомедович

Шустров Андрей Григорьевич

Проблемы генезиса и развития культуры

Часть I

Редактор, корректор А.А. Аладьева
Компьютерная верстка Л.А. Кузьмичевой

Лицензия ЛР № 020319 от 30.12.96.

Подписано в печать 20.05.97. Формат 60х84/16. Бумага DATA COPY.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,04. Уч.-изд. л. 6,41.

Тираж 100 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.

Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано на ризографе.
ООО "РИО-Гранд". Ярославль, ул. Чкалова, 2.

Введение

Современное состояние философской мысли наполнено желанием разобраться в самых главных вопросах человеческой жизни с учетом ее исторического опыта и многочисленных исследовательских традиций, сложившихся в течение более двухтысячелетнего периода. Особая острота данного вопроса в отечественной общественной мысли объясняется прерванностью традиции самоосмысления и понимания мировых исторических закономерностей. Кроме того, все исследовательское многообразие в постижении того, что называется человеком и общественной жизнью, до недавнего времени было сковано единой методологией. Оказавшаяся несостоятельностью марксизма в объяснении направленности развития культуры и механизмов движения, определения ее структуры и внутренних связей стала стимулом нового поиска. Лишившись своей прежней идеологической основы, наше общественное сознание наполнилось многочисленными идеями, теориями и концепциями философских школ Запада и Востока. При всем положительном значении ознакомления с философской классикой, бывшей для многих недоступной, и основными направлениями зарубежной гуманитарной мысли возникла угроза иного рода. Наплыв информации стал столь большим, что только становящаяся оригинальная национальная мысль оказалась не в силах ее переработать для собственного блага и озадачилась лишь трансплантацией чужеродных идей в национальное сознание. Наметившаяся тенденция в отечественной общественной мысли становится опасной для пробуждающейся национальной жизни и тормозом развития ее самосознания. Марксизм и без того стал причиной европейского довлени в нашем общественном сознании и основой евроцентризма в развитии философской мысли. Концепция К. Маркса была столь стройна, что не вызывала мысли о возможности иной теории общественного развития. Многие факты древней и первобытной истории человечества, а также его последующее социальное развитие рассматривалось советскими обществоведами с позиции данной концепции. В конце концов частности человеческого прошлого взорвали существующий монолит доктрины и стали приобретать новое значение. Этот определенный познавательный кризис охватил не только нашу философскую мысль. Он затронул все главные мировые философские школы и традиции. Опыт жизни человечества и изменение общемировых социальных процессов в конце XX века требуют от теоретиков пересмотра многих прежних выводов и положений, а также разработки новых подходов к пониманию сущности человеческой жизни.

В последние годы при философском анализе общества основные характеристики человеческого бытия соединяются с понятием культуры. Несмотря на то, что данное понятие трактуется по-разному, оно все чаще оказывается в центре современных исследований обществоведов. Культурологические подходы к социальной жизни лишены противоречивости чисто философских подходов с их раздираемостью между материалистическими и идеалистическими методологиями. В то же время культурологический анализ пытается ликвидировать,

казалось бы, устойчивые разногласия между религиозными взглядами и научными фактами. Напротив, здесь собираются религиозные, философские и научные формы познания в своей небывалой целостности и непротиворечивости. Такое единство форм духа позволяет наиболее адекватно взглянуть на проблему происхождения человека и той среды, в которой только и становится возможной протекание его жизни.

Данный труд представляет собой первую часть исследования. В нем делается попытка создать иную канву исторических событий, где главным в понимании социального начала становится часть бытия, особая среда, в определенном смысле противоречащая природной и биологической, последующая им и преобразующая кроющующиеся в них главные инстинкты жизни. Такой онтологический подход к пониманию культуры позволяет выделить три главных периода ее развития: эмбриональный, или стадия ее становления; первобытный, или детство культуры; цивилизационный, или состояние ее внутренней отчужденности и разделенности. Все звенья развития культуры самоценны и сохраняют общую преемственность. Элементы данной новой искусственной среды, появившиеся в определенное время, сохраняются и в дальнейшем. Это универсальные элементы культуры - орудия, жилище, охота, огонь, одежда и религиозное чувство. В последующих шагах культуры эти элементы преобразуются, вступая в новые отношения с иными элементами и друг с другом. Вместе с тем первобытность отличается появлением языка, общества - этноса и семьи, а цивилизация - города и государства.

Вообще, допервобытность трактовалась нашими гуманитариями с позиции трудовой теории антропосоциогенеза, созданной в протестантской среде и переносившей принципы трудовой этики на основы культуры. Историческое пространство делилось на две части - доклассовую и классовую, зависящие от формы отношений в коллективах по поводу обеспечения себя биологически необходимым продуктом. Ранние признаки культуры вообще теряли свойства особого ее этапа, в котором скрываются причины ее дальнейшего изменения. Так же человеческий эмбрион, развиваясь в утробе матери, приобретает такие свойства, которые во многом определяют дальнейшую жизнь индивида и латентно присутствуют в нем. Эмбриональный период культуры - самый длительный. Он тянулся почти три миллиона лет и закончился зарождением особого чувства жизни и сверхъестественной связью с ней - религией.

Религиозное переживание неандертальца привело к появлению слова как главного носителя данного чувства. Речь создала общество, в котором воплощалась коллективная сопричастность к тайне жизни. Эта тайна сохранялась, поддерживалась и транслировалась в поколения всем коллективом. Необходимость самодвижения была обеспечена появлением на свет еще одного универсального элемента культуры - семьи. Этнос стал замкнутым, самодостаточным организмом, в недрах которого сформировалось сознание. Первобытность была также достаточно длительной стадией, занявшей около 30 тысяч лет. Она была взорвана появлением скотоводства и земледелия, начало которых относится еще к мифологическому периоду. Так общество пыталось решить хозяйственный вопрос, введя в свой дом необходимую часть природы. В результате этого целостность его нарушилась, вызвав к жизни разделение и специализацию тру-

да как необходимые условия дальнейшего сохранения коллектива. Наметившиеся процессы привели к умножению предметов и субъектов культуры, представших притягиваться к мифологическому ядру и получивших определенную самостоятельность. Умножение охватило все сферы первобытной жизни. Продукция выходила из коллективного подчинения, превращаясь в излишки. Сила жизни вместе с ними стала покидать общество. Война, появившаяся на стадии разложения мифологии, оказалась символом наметившихся тенденций и стремлений избавиться от излишек силовым путем, т.е. самостоятельно. Теперь много стало зависеть от рационального поведения человека. Наметившийся распад культуры был остановлен появлением города и государства. Город стал тем центром, где спаслась от разрушения культура и где присутствует она в максимально концентрированном виде. В цивилизации произошли серьезные изменения в духовной среде культуры, приведшие к рождению в городах философии.

Философия - специфическая сфера духовной культуры, характеризующаяся своеобразным содержанием, внутренней структурой заключенного в нем знания, а также своими функциями. В качестве рабочей гипотезы в настоящей книге выдвигаются и обсуждаются следующие тезисы: 1) возникновение философии - это необходимый и закономерный этап развития духовной культуры общества; 2) необходимо различать предпосылки, условия, источники и непосредственные причины происхождения философии; 3) формирование философской мысли происходило примерно одновременно в трех достаточно отдаленных и изолированных друг от друга регионах - Древней Индии, Древнем Китае и Древней Греции, но в каждом из них этот процесс совершался специфически, поэтому вряд ли имеет смысл предполагать какие-то общие его условия и закономерности.

Однако какой бы регион ни иметь в виду, по меньшей мере один общий результат становления философии является несомненным: она способствовала возвышению духовной культуры древних обществ, приблизив ее к внутренней, личностной духовности человека, и тем самым выявила свой огромный гуманистический потенциал.

В связи с тем, что в новые учебные программы для студентов в последние годы включается курс по культурологии, а его концепции и программы не являются устоявшимися, данная работа может быть использована в качестве первой части учебного пособия по этой дисциплине. Идея введения в вузы культурологии как комплекса гуманитарного знания родилась на Западе. Культурологические подходы стали необходимыми при изучении частных вопросов жизни общества. Множественность культурологических концепций на Западе объясняется эвристическими возможностями анализа культурных феноменов с позиции разных теорий. Такой плюрализм вообще присущ европейскому менталитету. Он во многом определяется его религиозной установкой. В истории отечественной мысли свобода задавалась внутри устойчивого единства принципов, философского монизма, связанного с самим духом нашей культуры и веры. Авторы надеются, что данная работа внесет свою лепту и в восстановление прежней духовной атмосферы русской культуры.

Глава I

Становление культуры

1. Австралопитеки

Культура как особого рода качество и целостность представляет собой среду, которую производит, поддерживает и передает в поколения человек и которая, в свою очередь, создает, сохраняет и продолжает его как человека. Элементы, составляющие культуру, возникли не одновременно. Поэтому можно говорить о периоде, когда только формировались основные составляющие культуры, как о времени становления культуры.

Движение к культуре имеет характер, противоположный основным закономерностям природы, и в этом смысле противоестественный. Начальным моментом удвоения естества, формирования принципиально иной среды можно считать появление искусственных орудий. Существа, использовавшие их, подчинялись более общим закономерностям, чем собственные инстинкт и стремления. Разум еще не одержал верх над инстинктом, но и инстинкта оказалось недостаточно, чтобы выжить в изменившемся жизненном пространстве. Пограничье - грань между старым, хорошо отработанным биологическим механизмом и чем-то еще совсем неопределенным, зато дающим универсальные преимущества неприродного свойства, открытостью, нуждающейся в постоянной искусственной поддержке. Проблема, неизвестно кем поставленная и неизвестно кем должна быть решенной, заключалась в выборе между старыми, биологическими способами жизни и существованием в перспективе в ином жизненном пространстве, где живое существо, носитель жизни, сможет надеяться сам на себя, на свои силы и возможности,

на свой, порой горький, опыт, где сам окажется заложником собственной активности.

Такие могучие силы таились за гранью неизвестности. Занавес начинает потихоньку открываться, и на сцену выходят геоприродные процессы четвертичного периода и биологический род австралопитековых семейства гоминид, открывающие первый акт драмы под названием "становление культуры".

Искусственные орудия считаются отличительным признаком, позволяющим говорить о генезисе новой формы бытия. Произведенные австралопитеками в состоянии аффекта, они оказались императивом иной модели поведения, передающейся уже не генетически. Каменные рубила отличаются от веток, палок, костей и камней, применяемых животными, тем, что не встречаются в готовом виде. Впервые природа ничего не дает, чтобы сохранить саму возможность рождения. Исходные существа заложили начало: при решении проблем жизнеобеспечения действовать не в русле инерции биологических задатков, а творчески, изменяя среду в соответствии со своими потребностями. Природа хотя и стремилась вытеснить инородное тело, но, скорее, была культуре помощницей и наставницей, чем врагом.

Вместе с производством орудий был сделан первый шаг на пути становления новой универсальной искусственной среды. За ним последовали другие, каждый из которых совпадал с открытием и утверждением нового элемента культуры. Этот путь был долгим, пока в конце концов состояние пограничья не сменилось новым устойчивым положением.

Был ли указанный процесс естественным и эволюционным? Скорее, нет, так как к описываемым событиям не могут быть применены предшествующие закономерности космоса. Был ли он необходим? Скорее, да, потому что первый шаг стал прецедентом, открывающим неограниченные возможности создания новых форм жизни. Тайна первого шага никогда не сможет исчерпывающе открыться философскому, а тем более научному разуму без необходимой религиозной коррекции. Путь к культуре, а значит и самой культуры, мог развиваться в самых различных направлениях. Дело случая, что он оказался именно таким. Словно по мановению палочки доброго волшебника-случая, были сведены в элементы культуры тело и дух. Земля, ее географические, климатические, геологические и другие условия оказались необходимыми для этой встречи.

Фрагментарные находки австралопитеков известны в Африке¹. Они обитали около 3 млн лет назад в тропических лесах, которые из-за протекающих геологических процессов стали уменьшаться. Обитатели лесных ниш встали перед проблемой освоения новых мест. Адаптационно-Адаптационных, внутренних, механизмов для этого было недостаточно. Внешние условия, в данном случае доминирующие, столкнулись с прежним стереотипом жизнеобеспечения. Стресс и аффект оказались фоном процесса антропосоциогенеза.

С самого начала формирования культура была свободной от влияния леса. Ее созревание происходило на открытом пространстве. Австралопитеки очутились в африканской саванне, пересекаемой речками, ущельями, с озерами, выходами скального грунта, метровой сухой травой. Эти существа были невысоки. Чтобы ориентироваться на местности, им приходилось вставать на задние конечности. При этом передние освобождались, в них все чаще оказывались посторонние предметы.

Изменяется зрительное восприятие мира. Оно становится бинокулярным, стереоскопическим. Лазательные навыки постепенно ослабевают. В новых условиях они непригодны².

Флора и фауна саванн отличались от зоны тропических лесов. Поэтому австралопитекам пришлось столкнуться с проблемой питания и защиты. Всеядность в определенной степени снимала первую из них. По всей видимости, собирательство было главным способом пропитания³. Мясная пища доставалась с трудом. Крупные животные оказывались хорошо защищенными рогами, копытами и т.д. Главное мясное лакомство для ранних гоминид составляли мелкие животные и грызуны. Тем не менее, в раскопках вместе с останками австралопитековых находят и кости копытных животных. Следовательно, последние могли быть

---

¹ Описание находок австралопитековых и карту их расселения см. например: Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1985. С. 37-74; Борисовский П.И. Древнейшее прошлое человечества. М., 1980. С. 19-25; и др.

² Эта гипотеза новой экологической ниши, объясняющей начало прямохождения у гоминид, наиболее распространена. См., например: Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С. 140-142. Кроме того существует точка зрения, по которой переход к прямохождению произошел в скалистой местности как приспособление к скалолазанию. Это мнение подробно аргументировал и развивал П.П. Сушкин (см.: Сушкин П.П. Высокогорные области Земного шара и вопрос о родине первобытного человека // Природа. 1928. № 3). Другую концепцию сформулировал английский ученый А. Харли, к которой присоединился ряд отечественных исследователей. По его мнению, на вертикальную походку гоминид повлиял приморский ландшафт. Основную пищу при этом составляли моллюски, за которыми приходилось все глубже и глубже заходить в воду. Так распряmlandился позвоночник и освобождалась рука (см.: Белькович В., Клейненберг С., Яблочков А. Загадка океана. М., 1966. С. 164-165).

³ См.: Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М., 1989. С. 60.

объектом охоты. Слабых, отбившихся животных атаковало стадо австралопитеков количеством в 10 - 50 особей. Освобожденная от двигательной функции передняя конечность сжимала палки, кости, камни, используя их как оружие. Выходы скального грунта предлагали камень в качестве орудия универсального использования.

Австралопитеки не жили оседло. Они перемещались по саванне на достаточно большие расстояния. Этому способствовали примерно схожие природно-климатические условия местности. Угроза хищников ликвидировалась коллективной защитой. Соотношение сил не всегда было в пользу гоминид, но им удалось выжить в большом пространственно-временном диапазоне⁴.

С самого начала культура существует благодаря движению. Австралопитеки не успевали приобретать специализацию к определенной среде. Характер их жизнедеятельности был универсальным. Вода, простор и движение манили формирующегося человека. Эти элементы внешней среды сопровождают нас постоянно. Любовь же к оседлости, покою, солнцу и звездному небу пришла значительно позже.

Время существования австралопитековых охватывает несколько миллионов лет. Естественный отбор играл значительную роль в эволюции гоминид. Но он был направлен не в сторону узкой, локальной приспособляемости, а в сторону универсальной, неестественной или равной всей естественности сразу. Человека вынашивала вся природа. Это потому типы цивилизаций будут формироваться различными географическими условиями. Естество не нуждается в человеке, поскольку тот подрывает его мир. Природа же оказывается обязательным условием для культуры. Культура имеет ее своими корнями и стволом, на котором произрастает иной организм. Каким образом могло быть возникновение инородного тела на стебле естества? Откуда взялись возможности нового самораскрытия бытия? Проблемы становления культуры не являются проблемами возникновения духа. Рассматриваемые события - начало преобразования плоти для возможности существования и сохранения в ней духовного.

В местах, где обитали австралопитековые, был повышенный радиационный фон, по причине выхода на поверхность урановых руд⁵. Это способствовало мутациям. Природа как бы вкладывала все силы в

---

⁴ Об особенностях жизни австралопитеков см.: Алексеев В.П. Становление человечества; Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества; История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983; Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983; Якимов В.П. Австралопитековые // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966; и др.

⁵ См.: Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. М., 1982. С. 30-32; Дубинин Н.П. Эволюция популяций и радиация. М., 1966.

зарождение того, что без нее было бы невозможным. В генезисе культуры принимал участие весь спектр естественных сил: лес и открытое пространство, вода (реки, озера) и скалы, влажные и засушливые районы, жара тропических поясов и холод приледниковой зоны, разнообразие флоры и фауны и т.д.

Австралопитеки относились к семейству гоминид как подсемейство⁶. Внутри них существовали видовые различия. Отдельные группы ископаемых - парантропы - отличались более сильным телосложением⁷. Их рука никогда не держала обработанный специально камень. Мышц тела было достаточно, чтобы какое-то время отбиваться от хищников и не иметь строгой стадной организации⁸. Но сила парантропов явилась и причиной их вымирания. Крепость тела, давая определенные преимущества, в то же время ограничивает. Изменяющиеся условия становятся отрицанием самого факта их существования. Эта ветвь человекообразных обезьян оказалась тупиковой, не внеся в основу культуры никакого открытия. Грациодные же группы австралопитеков отличались меньшей мускулатурой. В борьбе за выживание им доставалось от других животных. Но от поколения к поколению закреплялись морфологические качества, способствовавшие совершенно иному способу поддержания жизни⁹. Природа с трудом разрешалась от бремени. Она сберегла ростки нового, которое потом отнесется к ней несправедливо. Без ее материнского отношения культура бы никогда не смогла состояться.

Грань между австралопитековыми и современными людьми существенная. Собственно австралопитеки ничего не создали. Они лишь обозначили морфологическую ступень перехода от одного живого существа к другому. Вертикальная походка, освобожденные передние конечности и кисть стали флагманами биологической эволюции, направленной не на укрепление физической силы или иных локально адаптационных качеств, а на формирование тела, способного создавать искусственную среду. Анатомические изменения повлияли на психику гоминид и способствовали увеличению объема мозга.

Австралопитеки находятся на пограничье природы и культуры. Их анатомия почти не отличается от анатомии обезьяны. Способность производить искусственные орудия труда морфологически никак не отра-

---

⁶ Алексеев В.П. Становление человечества. С. 123-124; История первобытного общества. С. 218-219.

⁷ См.: Елинек Я. Большой ... атлас первобытного человека; История первобытного общества. С. 188-194.

⁸ См.: Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966.

⁹ С учетом, что средняя продолжительность жизни поколения равнялась 25 годам, вплоть до средневековья, то за время антропосоциогенеза сменились тысячи поколений. См.: История первобытного общества. С. 203.

жена. Одно же прямохождение не может свидетельствовать в пользу небиологической эволюции, так как оно свойственно многим приматам, ведущим одновременно наземный и древесный образ жизни. Но есть один неоспоримый факт, который вызывает бесконечную полосу размышлений о начале антропосоциогенеза.

В Олдувайском ущелье, расположенном на севере Танзании, в Кении, в местонахождении Кооби-Фора и в долине реки Омо, на юго-западе Эфиопии, в культурных слоях обнаружили древнейшие орудия труда, когда-либо изготовленные живыми существами. Преднамеренная обработка камня для специального его использования ни у кого из исследователей, занимающихся этими проблемами, не вызывает сомнения. Орудия труда из камня и кости найдены здесь вместе с останками австралопитеков. Калий-аргоновый метод датировки по времени относит начальную стадию развития культуры почти на 3 млн лет назад. Существо, их изготавливавшее, в научной литературе получило название хомо хабилис - человек умелый. В биологической стратификации он относится к австралопитековым. Объем его мозга на 100 куб. см больше, чем у остальных австралопитеков, и составляет около 600 куб. см, но таксономия при этом не изменяется.

В современной литературе факт постоянного производства австралопитеками орудий труда подвергается неоднозначной трактовке. Одни считают, что орудийная деятельность хабилисов носит рефлекторный, животный характер (в соответствии с марксистской концепцией антропогенеза, где целеполагающей деятельности по производству орудий труда предшествует инстинктивная). Другие - что первые орудия труда уже относятся к первобытной истории человечества¹⁰.

Австралопитеки найдены пока лишь в Африке. На этом материале хорошо прослеживаются все стадии их развития, весь полиморфизм. Поскольку хомо хабилис относится к австралопитековым, то отсюда делается вывод о том, что Африканский континент является колыбелью человечества. Споры по вопросу прародины много¹¹. Действительно, условия этого материка способствовали началу орудийной деятельности

---

¹⁰ Проблеме грани между животными и ранними формами человека посвящена довольно обширная литература. Почти все ученые, занимающиеся вопросами антропосоциогенеза, не проходят мимо этой темы. Об этом подробнее см.: Гурьев Д.В. К вопросу о становлении первобытного производства // Философские науки. 1976. № 4, а также указанные работы В.П. Алексеева, П.И. Борисковского, Ю.И. Семенова; кроме того: Ефимов Ю.И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза. Л., 1981; Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.

¹¹ См. карту местонахождения прародины человечества в соответствии с представлениями разных авторов: Алексеев В.П. Становление человечества. С. 104; История первобытного общества. С. 205.

и становлению культуры. (Хотя в этом нет однозначных причинно-следственных связей, отсутствует жесткая детерминация одного другим, но тем не менее инструмент - посредник в отношении с окружающей средой, один из первых элементов культуры). Постоянное перемещение могло привести к заселению других материков со схожими условиями данными же видами. Но с другой стороны, находка древнейшего питекантропа на о. Ява показывает, что орудия труда его почти ничем не отличаются от олдувайских, а морфологически он существенно продвинут вперед. Кроме того, находки останков питекантропов географически распространены значительно шире: Африка, юг Европы и Азии. Поэтому исследователи, принимающие за точку отсчета трудовой деятельности стадию питекантропов и видящие в обработанных камнях хабилисов проявление инстинкта, придерживаются азиатской теории прародины человечества.

В антропосоциогенезе принимало участие большое количество видов, подвидов, стад, сменились бесчисленные поколения. Движение к культуре не было прямолинейным. В нашем распоряжении немного памятников нижнего палеолита с фрагментарными находками¹². Все это не позволяет сделать более строгие выводы. Теории заменяются гипотезами. Может так стать, что вопрос о центрах или центре зарождения культуры решающего значения иметь не будет. Если рассматривать данный процесс с позиции эволюционизма биологического, то место возникновения того или иного вида оказывается важным по причине соблюдения условий существования, аналогичных первичным, для сохранения его жизни. Закономерности естества останавливаются при подходе к культуре. Она универсальна, как и вся природа. Процесс ее становления происходил на большой территории и был растянут во времени. Одна олдувайская индустрия просуществовала около 2 млн лет. Представляется очевидным, что этот процесс охватил огромные территории суши со схожими географическими факторами. При этом отдельные зоны ойкумены могли играть разную роль в указанных событиях. Может быть, когда-нибудь новые научные открытия доставят иные известия об особенностях ранних шагов культуры, но проблема самой возможности культуры и ее рождения на земле всегда будет решаться философски. Основывающиеся на одних и тех же фактах концепции нередко будут противостоять друг другу. И тогда последнее слово останется за верой: не только научной и философской, но и религиозной.

---

¹² Об особенностях источниковедческой базы первобытной истории см.: История первобытного общества. С. 33-93.

Древнейшим элементом еще становящейся культуры являются орудия. Они представляют собой преднамеренный скол камня для дальнейшего его использования в разных целях. В отличие от естественных орудий животных, искусственное орудие культуры функционально не ограничено. Имеющееся разделение первобытной каменной индустрии на рубила, скребла, резцы и т.д., скорее, внутреннее, чем внешнее. Всеобщность характера инструмента деятельности антропоидов, создающих культуру и испытывающих на себе ее влияние, заключена в их символичности, разделяющей, как пограничные столбы, две сферы бытия - природу и культуру. Имеющиеся в нашем распоряжении факты говорят о том, что в то время граница эта шла очень узкой полосой и по сути являлась тем, что мы называем пространством культуры. Последняя же того времени была не чем иным, как демаркационной полосой, на которой жили хабилисы. Находки на юго-востоке Африки останков ископаемых дают основание относиться к данным существам не как к этапу биологической эволюции, а как к эгиде первоначальных культурных процессов. Питекантропы, следовавшие за хабилисами, не только расширили территорию по ту сторону от границы с естеством, но и уничтожили старую границу. Австралопитеки были объектами их охоты. Следовательно, с эмбрионного состояния культуре свойственна противоречивость, и даже самопожирание, что наиболее отчетливо проявится в цивилизациях.

Олдувайская техника обработки камня (вулканической лавы) состояла в односторонней или двусторонней оббивке¹³. Она не имела определенных устойчивых форм, стандартизации. Это говорит об отсутствии механизмов передачи опыта производственной деятельности. Инструменты деятельности переносились на многие тысячи километров, что подтверждается археологически. Стада австралопитеков не имели такой организации, которая позволяла бы транслировать открытия в поколения. Многие достижения исчезают вместе с гибелью их носителей и возрождаются значительно позднее путем повторного открытия. В раннем палеолите встречается то, что станет отличительной чертой техники позднего палеолита.

Хабилисы, имеющие более совершенные орудия и навыки обращения с ними, оказались в лучшем положении в борьбе за выживание. Уже в утробном развитии культура не представляла нечто однородное, равномерно распределенное, наподобие поточной линии. Скорее, здесь были какие-то очаги, центры, играющие особую роль в генезисе культуры. Но удаленность во времени от описываемых событий и наличие лишь

---

¹³ Подробнее см.: Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. С. 55-67.

скудных фактов не позволяют различать особые культураносные группы и зоны их обитания. Свойство локализации креационных центров культуры особенно рельефно проявится в цивилизации.

Становящиеся люди долго топтались на месте. Олдувайская культура насчитывает около 2 млн лет. Первые искусственные орудия вряд ли могут считаться следствием трудовых процессов. Категория труда должна, скорее, относиться к цивилизационной стадии, т.к. она указывает на состояние старости, а не детства и молодости. Аффекты и нужда австралопитеков совершили открытие, значение которого скажется в полную меру через сотни тысячелетий. Оно нечто большее, чем инстинкт, но нечто меньшее, чем сознание. Инстинкт сохраняет данность. Искусственные орудия, наоборот, отрицают врожденность. Это победа внешнего над внутренним, где последнее не изменяется в соответствии с программными возможностями своего изменения, а преобразуется навстречу другим возможностям. Вместе с тем, орудийная деятельность предков человека не является и результатом сознания инстинктивного, или осознанного инстинкта, как писал Маркс. Между инстинктом и сознанием непреодолимое расстояние, как между внутренним и внешним. Сознание не могло быть продолжением природного.

Маркс отмечал, что ни одна обезьянья рука не изготовила даже самого примитивного каменного топора, не имея его прежде в виде идеального образа. С этим можно согласиться. Создание орудий свидетельствует о рождении совершенно иного знака - идеального, опережающего и подчиняющего движение материального¹⁴. Опережение и тем самым творение есть главный признак идеального¹⁵. Соединяясь с материей, оно образует совершенно новое качество бытия, которое и называется культурой. В период становления культуры идеальное обустривало живое тело и внешнюю ему среду таким образом, чтобы найти в дальнейшем неограниченные возможности для саморазвития. Это основное содержание периода креации культуры. Каменный топор, как вифлеемская звезда, свидетельствует о рождении идеи, образа, снимающего и тем самым полагающего путь становления материального. Может быть, какие-то операции разбивания камня австралопитеками производились как животными, инстинктивно, но в целом олдувайская каменная индустрия позволяет говорить о наличии идеального образа, предваряющего производство орудий.

---

¹⁴ См. дискуссию о природе идеального между Д.И. Дубровским и Э.В. Ильенковым в отечественной литературе: Дубровский Д.И. Проблема идеального. М., 1983; Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1984.

¹⁵ Известное платоновское учение об идее как принципе развития вещи.

Идея - это своеобразный знак. Но отличию идей друг от друга следует учиться, закреплять эти навыки на практике и, что самое главное, сохранять. У хабилиса таких возможностей не было. Идеи терялись, но зато сохранялась сама возможность появления идей, т.е. идеальное. Оно скрывалось, не совпадая, во всем произведенном гоминидами. Поэтому рождение культуры ознаменовалось появлением первых символов¹⁶. Пусть терялись производственные навыки и открытия вместе с гибелью отдельных стад, но зато не исчезала сама возможность их повторного открытия. Каменные топоры оставляли в себе следы идеального. Возможно, их переносили хабилисы на тысячи километров не только потому, что их нельзя было произвести в другом месте из-за нехватки сырья, трудоемкости процесса или по другой причине. Каменные орудия оказывались своеобразными оберегами физической и духовной жизни. Они символизировали свершившийся факт творчества, полный необъяснимостей с позиции современной эпистемологии. Чтобы дальше что-либо производить, следовало иметь при себе сам зачаток мысли, запечатленный в обработанном камне. Следы напряжения духа и тела вдохновляли.

Знаковая деятельность и различие знаков существуют и у животных. Идеальное же представляет не только возможность качественно иной формы знаковости, но и необходимость ее онтологизации. В случае сохранения условий (идеального, культуры в целом) знак живет самостоятельной, обособленной жизнью, превращаясь в символы. Сепаратизм знаков станет осью процесса антропосоциогенеза. Впоследствии он же возродится в постмифологический период, на стадии цивилизационной жизни.

Стада предлюдей сами могут считаться символами становящейся культуры. Морфологический облик антропоидов отражал динамику идеального. Но начало своего движения культура ознаменовала не изменением тела (австралопитековых), а преобразованием внешней для него среды, которая им же создавалась и заставляла преобразоваться его самого. Хотя объем мозга человека умелого значительно отличается в сторону увеличения от прочих австралопитековых, но находясь в плену идеи морфологической триады как показателя собственно гоминоидности (прямохождение, свободная кисть, развитый головной мозг) и принимая за рубикон между человеком и животным анатомические характеристики питекантропа, многие исследователи не видят в хабилисах начало культуры. Произведенные же ими орудия, скорее, относят к стадии инстинктивного труда, на который указывал Маркс. Но ведь и

---

¹⁶ О знаках и символах см., например: Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976; Он же. Знак, символ, миф. М., 1982.

при этом хабилис обладал устойчивым прямохождением. Вместе с тем, наиболее примитивные питекантропы, продвинувшиеся эволюционно в первую очередь по объему мозга и, несомненно, относящиеся к гоминидам, создавали орудия деятельности такие же, как и австралопитеки. В момент становления культуры, как и во все другие времена, главным телом ее является коллектив. Индивиды же выполняют разные функции. Изготавливаемые отдельными особями инструменты все же относились ко всему стаду и характеризовали его как носителя культуры. Несовершенство отдельных членов, несоответствие их общему природе очень быстро поправит. Хотя идеи создаются в головах индивидов, но без поддержки и сохранения коллективом они исчезли бы вместе со своими авторами¹⁷.

Орудия производства являются одним из фундаментальных элементов культуры, но они не относятся непосредственно к телу культуры или же могут рассматриваться как внешнее продолжение тела культуры. Отношение между внутренним и внешним в культуре не всегда пропорционально. На это противоречие между производительными силами и производственными отношениями указывал Маркс. Но он рассматривал его как главное противоречие труда, т.е. внутреннего природе обмена веществ между природой и обществом. Смысл человеческой культуры не столько в труде. Стоило ли становиться человеком, чтобы трудиться? Труд - пуповина природы, и, вопреки рассуждениям Маркса, как бы он ни был организован, труд, скорее, наша необходимость, чем свобода.

В появлении первых каменных орудий скрывается много тайн. В том числе - являются ли они результатом целеполагающей деятельности? Целеполагание включает в себя не только идеальный образ. Цель - дедукция сознания, его снимок. Идеальное и сознание не совпадают. Последнее своеобразно ограничивает идеальное, облекая его волей, эмоциями, иррациональным и т.д., и венчает процесс становления культуры.

2. Питекантропы

Переход от хабилисов к питекантропам незаметен. Анатомические данные ранних представителей этого подсемейства гоминид не позволяют говорить о резкой грани между ними. Время их существования

---

¹⁷ Главным телом, или субъектом, культуры является все-таки коллектив. В нем содержится и идеальное. Рождаясь в коллективе, индивид приобщается к сфере идеального, оказывается продолжением ее динамики.

пересекалось. Питекантропы встречаются в тех же слоях, что и хабилисы. Время жизни питекантропов (или, как еще их называют, архантропов) охватывает более полутора миллионов лет. Ойкумена этого периода значительно расширилась. Она включала в себя теперь не только Африканский материк, но и Южную Азию, а также Южную и Западную Европу¹⁸. Древнейшие находки питекантропов были сделаны в олдувайских слоях и на о. Ява. Большие географические и временные рамки определили большую видовую их дифференциацию¹⁹. Некоторые различия внутри питекантропов оказались и стадиальными, так, питекантроп пекинский, или синантроп, более молод и эволюционно продвинут по сравнению с другими архантропами.

Морфологические характеристики питекантропов были ближе к гоминоидности: они закрепили ортоградную походку; имели крепкое телосложение, рост их на 30 см превышал австралопитеков и составлял более 160 см; средний объем мозга равнялся 1000 куб.см. (у синантропа он доходил до 1200 куб.см); строение кисти приближалось к человеческой...

Орудия архантропов мало чем отличаются от предшествующей стадии. Они такие же атипичные. Совершенствование морфологической конструкции питекантропов никак не может быть объяснено только прогрессом в каменной технике. Следовательно, орудийная деятельность не должна затмевать открытий других элементов культуры на этой стадии. Конечно, анатомические параметры, а особенно объем мозга, остаются важными показателями становления культуры, но, с другой стороны, современные люди с соответствующей анатомией иногда опускаются до состояния людоедов. Кроме того, мозг питекантропа не имел развития тех участков, которые отвечают за более сложное поведение. По сравнению с мозгом более совершенной оказалась рука. Кажется, что дух в данный момент нашел лучшее пристанище в руке. Рука соединяла дочеловеческий коллектив с внешним миром. Именно она преобразовывала внешнюю среду в соответствии с новым содержанием их жизни. Этот трамплин соединял внутреннее, стадо, и внешнее, природное, расширяя границу между естеством и культурой, которая окажется гарантом и анатомических изменений особей, и реорганизации самого стада. Со временем существования питекантропа совпадают

---

¹⁸ См.: Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. С. 34-46.

¹⁹ Характеристику архантропов и мест их находок см.: Алексеев В.П. Становление человечества; Елинек Я. Большой ... атлас первобытного человека; Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества; История первобытного общества; Семенов Ю.И. На заре человеческой истории: Природа и древний человек. М., 1981 и др.

грандиозные открытия новых элементов культуры, значительно упрочивших ее положение.

Жилище Трудно сказать, были ли орудия деятельности долгое время единственным элементом культуры, а все последующие - оказались результатом их функционирования, или же тенденция культуры в период ее становления носила многосоставный характер, где не было долговременного исключительного наличия только одного элемента культуры. Находки в Олдувае следов от стоянки в виде шалаша позволяют говорить о имеющемся у хабилисов идеальном образе дома и о возможности его воплощать. Хабилисы постоянно перемещались по открытым пространствам саванн. Это был один из способов их жизнеобеспечения. Большие расстояния давали возможность найти пропитание в новых для себя условиях. Всеядность сослужила добрую службу становившемуся человеку. Он не мог останавливаться на долгое время. Но места его остановок ознакомились открытием еще одного элемента культуры - дома. Стадия питекантропов не вызывает сомнений в его существовании. Если хабилисы были первыми бродягами в истории культуры, то питекантропы перемещались не иначе как вместе со своим домиком (хотя бы идеальным, который легко воплощался из имеющегося под рукой материала).

Жизнь в открытом пространстве саванн расширяла кругозор людей, заставляла их постоянно двигаться, сталкиваться с проблемами и решать их. Творчество и бесконечность сопутствуют друг другу. Но творчество тех времен носило совсем иной характер, не имея того авторства, которое будет в цивилизациях. С другой стороны, открытость пространства держала гоминид в постоянном напряжении. Рождение самой идеи возможности жизни на одном месте является примечательным. Это была робкая попытка создать собственное, внутреннее пространство среди внешнего мира природы, каким-то образом отгородиться. Формирующемуся человеку открытость становилась помехой.

Пещеры были готовым, естественным домом, который можно было использовать, подобно тому как первые австралопитеки, обитатели саванн, использовали необработанные палки и камни. Но так же, как и впоследствии камень, пещеру пришлось специально готовить, превращая ее в ранний памятник культуры. Жилища выбирались в определенных местностях, с выходом на юг, рядом с водоемами, достаточным наличием пищи вокруг. Пещеры представлялись удобным укрытием, но они не доставались без борьбы. Возникла жестокая конкуренция с животными, порой даже крупными. Питекантропам удалось освоить эти естественные квартиры, но желаемого спокойствия они не получили.

Отпугнуть большого зверя или избавиться от грозящей с его стороны опасности было легче, чем защищаться от вездесущих ядовитых змей, ящериц и пауков. Не решил проблемы и используемый позднее огонь, поскольку змеи, которых в тех теплых местах водилось больше чем достаточно, как известно, ползут на огонь. Рептилии, стоит думать, доставляли пещерному человеку столько неприятностей, что страх и ужас перед ними сокрыт в подсознании человечества.

Предлюди жили на краю пещеры, не уходя далеко вглубь. Но известны случаи, когда заселялись довольно далекие уголки. Эти древнейшие пристанища, искусно выбранные и обжитые, словом, окультуренные, служили древним людям десятки тысячелетий. Их бросали и опять возвращались. Конечно же, у первого дома были и свои недостатки. Главным из них является то, что его, в отличие от орудий, нельзя переносить с собой, разве что в виде идеального образа, знака. Здесь мы видим расширение идеальных возможностей и знакового творчества. Ведь если не было рядом соответствующих условий, а возвращаться назад становилось все труднее, можно взять пещеру с собой, соорудив на месте ночлега нечто ее напоминающее в виде шалаша из подручного материала. Эти сооружения могли быть базовыми - стойбищами и временными - для охотников. Шалаша возводились там, где было удобно, и не зависели от прихоти природы. В строительстве собственных первых жилищ становящийся человек развивал свою логику культуры. Это были не только новые пограничные столбы-символы между естественным и искусственностью, но и расширение самого бытия культуры.

Открытие "искусственных пещер" в виде шалашей из дерева или кости было крупным шагом вперед. Они могли путешествовать с древнейшими нашими предками, в них можно было оставлять инструменты, самок, детей и пожилых сородичей, возвращаться после длительного отсутствия, относительно легко реконструировать.

Дом является одним из основных элементов культуры. Он еще на стадии шалаша и пещеры сплотил, сблизил стадо гоминид в узком пространстве жизни. С этого момента открытость для культуры деструктивна. Она требует сохранения и концентрации своей энергии в отдельных очагах. Мы в большей степени дети дома, ограниченного пространства, чем орудий, посредников собственной деятельности. Для культуры важно не только соединение с природой, но и в то же время непризнание ее в качестве среды жизни.

Идеальный образ дома не исчезает. Его символами заполнена вся ойкумена. Дифференцированным и измененным мы найдем его повсюду, где живет человек. Это был первый якорь в космосе непостоянства

эмбрионального человечества. Дом, как магнит, притягивает к себе все человеческое. В его стенах происходили великие чудеса культуры. Под его сводами появились на свет и сдружились многие элементы культуры, главный из которых - огонь - стал не только атрибутом дома, но и основным символом человеческого жилища.

Огонь Это грандиозное открытие делает питекантропов гениальными творцами культуры. Хабилисами огонь не использовался²⁰, зато архантропы применяли его повсеместно. Об этом говорят останки кострищ в местах археологических раскопок. Поначалу огонь не добывали, а поддерживали, используя для этого сухие ветки, траву, торф, кости. Даже многие первобытные племена, открытые в XVIII - XIX вв. миссионерами, предпочитали не высекать огонь, а постоянно его поддерживать²¹.

Искусственный огонь и все, что с ним связано, стал еще одним камнем в фундаменте культуры, без которого она бы попросту не смогла состояться. Трудно перечислить все спектры культуры, где огонь сыграл революционизирующую роль. В качестве инструмента он был столь же универсальным, как и камень: мог обжигать деревянное копьё, делая его наконечник твердым, способным пробивать тело крупных животных; нагревая камень, делал его хрупким и послушным для скола; отгонял диких животных и помогал в загонной охоте и т.д.

Огонь обрабатывал не только орудия деятельности, но и пищу, что не менее важно. Каменное оружие убивало зверя, нож и скребло помогали разделывать тушу. Теперь между пищей, зубами, желудком гоминид появился еще один посредник: огонь, размягчая ее, изменял организм изнутри. Внутренняя эволюция тела столь же значима, как и внешняя. Рука и кисть приспосабливались к инструменту, желудок и клетки - к огню. Тело антропоидов не является создателем, субъектом культуры. Оно так же, как и внешние ее элементы, оказывается заложником более общих процессов, для осмысления которых и вводится понятие культуры, выражающее наиболее общие свойства бытия, вырастающего на первоначальном естестве, являющегося и его зеркалом, и зазеркальем. В этом смысле тело развивающегося человека такой же памятник культуры, как и доисторические находки. Полноправным, универсальным элементом культуры оно станет в момент морфологического оформления хомо сапиенса, что совпадает с завершением процессов антропосоциогенеза и становления культуры.

---

²⁰ По крайней мере, в настоящее время таких данных нет.

²¹ См.: Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. С. 80-88.

Огонь, открытый предками современного человека, многое изменил в его поведении и психологии. Дом и огонь слились вместе²². Почти вся культурная среда того времени убиралась в жилище, и оно стало содержательнее. Охотники могли временно останавливаться на ночлег и без возведения шалаша, как это делают современные аборигены, но потребность в огне уже существовала. Даже требовалось соорудить домик если не для себя, то для костра, чтобы его не задуло и не залило водой²³.

Очаг давал тепло. С ним можно было продвигаться в более холодные районы. Это изобретение позволило антропоидам расселиться на значительной территории Земного шара. Искусственное тепло развивало воображение архантропов, способствовало умножению идеальной сферы. Идеальное имеет совершенно иную знаковость и границы, чем материальное. Переход от одного образа к другому не имеет ассоциаций в естестве, скорее наоборот, в культуре природа развивается в русле идеального. Огонь - солнце на земле. Фантастические переливы теней на стенах пещер будили внутреннее чувство и интуицию. Отсюда один шаг до наскальных рисунков неандертальца. Пламя костра продолжало день, помогая глазу побеждать темноту. Искусственный свет укреплял уверенность, прогонял страх. Цветовое пространство человека во многом воспитано огнем. Он манил, притягивал к себе предлюдей, был отличительным знаком культуры.

Наверное, именно огонь заставил развивающегося человека впервые поднять голову вверх. Поразительность сходства искусственного огня и небесных светил будила религиозное чувство, явное уже у неандертальца. Не случайно огонь (впрочем, как и вода, благодаря движению и отражательности, змеи и некоторые природные явления) и для современного человека представляет зрелище, притягивающее его внимание, пробуждающее мысли метафизического склада, вынимающее из подсознания что-то затаенное. Огонь не только стимулировал творчество, стал символом идеального, но оказался условием осуществления многих идей на земле. Без него были бы несостоятельными иные духовные и интеллектуальные порывы.

---

²² Дом, в котором в темное время суток нет огня, вызывает особые чувства волнения и тревоги. Жилище же человека, из которого огонь ушел навсегда, брошенное здание подобно труп. С ним связан весь ужас ушедшей жизни.

²³ Известное изобретение восточных славян, получившее название русской печи. Это не просто огромный дом, специально предназначенный для огня, со всеми вытекающими функциональными приспособлениями к жизни, холодной зиме северных широт. В русской избе печка служила генератором маркировки сакральных и профанных начал жилого пространства. Красный угол в доме, где стояли иконы и горела лампада, находился по диагонали к печи.

Источник земного тепла, как и все в культуре, имел не только положительное значение. Природный или неумело использованный огонь причинял неисчислимые бедствия стадам древнейших людей, уничтожая дотла места обитания и возможную пищу (хотя находки пораженных огнем животных на пепелище и могли натолкнуть гоминид на мысль предварительного обжаривания мяса перед употреблением его в пищу), тем самым демонстрируя преимущества укрощенного, окультуренного огня над естественным. Одержать победу над природными силами, как к этому стремилась целая культурная эпоха Нового времени, человек никогда не сможет. Натуру можно лишь преобразжать. Правда, между преобразованием и уничтожением очень тонкая грань. Ее нарушение придает культуре энтропийный характер самовраждебности. Отсюда неискоренимые утопические и апокалиптические настроения цивилизации.

Прирученный огонь, следует думать, принес изменения и в организацию стада питекантропов. Для анализа протосоциальных процессов в нашем распоряжении почти нет никаких документов. Единственным критерием, кроме догадок и гипотез, являются отношения в стадах животных²⁴. Теперь архантропам приходилось вводить и осваивать новую профессию - хранителя очага. Обрабатывать камень, строить шалаш и охотиться могли одни и те же руки - взрослых самцов стада. Оставлять кого-то у костра, в случае если это была постоянная стоянка, стало необходимостью. Это могли быть самки²⁵, а также старые, молодые и больные члены коллектива. Слабые сородичи, обреченные на гибель по причине обузы и даже на поедание²⁶, теперь оказываются причастными к культурной жизни. Усложнение культурной среды и деятельности в ней привело к необходимости сплочения стада, поскольку сохранять и производить эту искусственную среду можно было совместными усилиями. И слабости отдельной особи нашлось применение. Впервые слабость и болезнь превращаются в силу. Конечно же, самки того времени еще не были женщинами цивилизации в психологическом и социальном

---

²⁴ См. об этом: Семенов Ю.И. Как возникло человечество; Левик-Гудолл Дж. В тени человека. М., 1974.

²⁵ Как отголосок этого, в древних цивилизациях жрицами огня были девушки, принявшие на себя специальный обет и пользовавшиеся особыми правами. В Древней Греции весталки занимали почетные места в театре, могли спасти жизнь приговоренным к смертной казни.

²⁶ К величайшему нашему стыду, далекие предки вида хомо сапиенс были каннибалами. Но и сам человек современного вида оказался "достоин" троглодитов, если не непосредственно вкушая мясо ближнего своего, то принося в жертвы своим богам, в том числе и молоху войны, или съедая конкурентов завистью, интригами, кознями и обманом.

смыслах, но, общаясь с очагом, они приобретали теплоту и мягкость, силу своего влияния на мужчин.

Несмотря на всю притягательность стойбищ, где можно было чувствовать себя в относительной безопасности, ни шалаш, ни костер, ни орудия не сделали развивающегося человека оседлым. Он постоянно переходил с места на место, иногда возвращаясь на прежние места, переноса с собой идеальные или материальные инструменты, дом, свои земные солнце и луну в виде угольков. Не была решена одна из главных проблем - проблема питания, решение которой превратилось в целую эпоху создающейся культуры.

Охота Она представляет собой один из главных универсальных элементов культуры. Речь идет не о том, что охота является формой деятельности, способом пропитания. В целостности своей она видится чем-то большим - одним из столпов культуры, завуалированной и измененной, не потерявшей своего значения и в цивилизациях.

Известно, что многие виды обезьян всеядны. Однако они не используют мясной пищи более 1% от общего рациона²⁷. Австралопитеки и хабилисы, осваивавшие новую природную нишу, столкнулись с проблемой питания в новых условиях. Количество мяса в их рационе увеличилось. Обезьяны не убивают животных, весящих более 25% их собственного веса²⁸. Это можно отнести и к хабилисам. Объектами их охоты сделались грызуны и мелкие животные. Основным же способом добывания пищи, занимавшим большую часть их времени, оставалось собирательство плодов, трав, корней. Архантропы стали преимущественно охотниками. То, что имелось у их предшественников, они преобразовали в совершенно иное качество - элемент культуры. В природе одни животные становятся рано или поздно добычей для других. Для становящегося человека охота была не просто необходимостью, нитью, связывающей их с естеством. В этом ничего культурного нет. Она вытекала не из внешней необходимости, а из внутренней. К ней подталкивала вся созданная до этого культурная среда. Охота превратилась из способа удовлетворения природных потребностей в один из основных способов жизнедеятельности в культуре. Как орудия, дом, т.к. его приходилось защищать от зверей, огонь стимулировали охоту, так и охота влияла на характер культуры. Промысел становился делом выбора. Менялось поведение коллектива, развивалась воля индивидов, поддержи-

---

²⁷ См. об этом: Левик-Гудолл Дж. В тени человека. С. 36-38.

²⁸ Об этом пишет И.Л. Андреев. См.: Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. С. 221.

вающая постоянную готовность к охоте. Это в свою очередь меняло психологию стада и его отдельных особей²⁹.

Объектом охоты могло стать любое животное, превосходящее даже в несколько десятков раз собственный вес гоминид. Чаще использовался загонный способ. Нападали из засад, укрытий, ставили капканы, делали ямы-ловушки, поджигали траву саванн, выманивая из нее дичь. В открытой местности гоминидам везло меньше. Здесь они могли рассчитывать на смертоносность копья и слаженность действий. К охоте специально готовились. Использовались не только естественные условия местности, но и технические приспособления и иные хитрости. Хищники также нападают из засад и тоже опосредуют свои действия по поимке жертвы, но таких опосредованных действий у животных немного. У предчеловеческих форм охота стала носить сложный, многоплановый характер. (Можно даже сказать, что любая деятельность архантропов относилась к охоте, как и охота относилась ко всем прочим делам. В культуре все взаимосвязано. Это главный ее закон, над которым люди цивилизации утратили власть и контроль.)

Такая неразборчивость в промысле еще больше утвердила архантропов во всех природно-климатических нишах. Вряд ли нашего предка можно назвать царем зверей, а если и так, то в самом невыгодном для него смысле. Царь не только самый сильный, но и самый справедливый, заботящийся о своих подданных, от которых и сам зависит. Известно, что лев и другие хищники не уничтожают более 25% стада тех животных, которых использует в пищу. Предчеловек уничтожал значительно больше. Благодаря ему многие представители фауны вообще исчезли с лица земли. Об интенсивности охоты питекантропов и синантропов говорят находки в местах залегания их останков огромного числа костей промысловых животных: медведей, диких лошадей, кабанов, лисиц, других, даже не дошедших до нас видов животных. При загоне стадо губило значительно больше животных, чем могло применить в пищу. Целые табуны лошадей, встревоженных звуками охотников, направлялись их плановыми действиями к месту своей гибели. Падая с обрыва и разбиваясь о камни, они в основном доставались зверям, так как такое количество мяса архантропы не могли сразу употребить в пищу, и даже жареное оно хранилось недолго. Беречь животных, от которых зависела и его собственная судьба, заботиться об их пополнении человек научился на рубеже мифологической эпохи. Но рецидивы неоправданной жестокости по отношению к "меньшим братьям" будут вспыхивать

---

²⁹ См., например: Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М., 1993. С. 63-64 и др.

постоянно в цивилизациях. Достаточно вспомнить истребление европейскими колонизаторами американских бизонов.

Грубость, жестокость, агрессивность являются отрицательными спутниками охоты, а следовательно, и культуры. Вспомним, как преуспели люди в поисках средств убийства и казней, как даже в момент своего расцвета цивилизации не считались с жизнью людей. Но охота принесла формирующейся культуре и свои положительные плоды. Она вырабатывала смелость и предприимчивость. Ситуация менялась столь быстро и неожиданно, что нужно было быть постоянно готовым ко всему. Нестандартность и динамичность положения стимулировали творческий поиск выхода из опасности. Способность охотников к постоянному творчеству превратила все пространство культуры в творческую лабораторию. Но напряжения духа оставались напрасными, т.к. не было возможности их закрепления и передачи в поколения. Но зато искусственная среда, сами символы культуры сохраняли творческий гентип, и дальнейшие ветви гоминид либо вымирали, не в силах расшифровать их, упрощали свое поведение, либо поддерживали и развивали творческое поле культуры.

Рука, держащая копьё, и меткий глаз стали виртуозными инструментами поражения. Ловкость и мужество побеждали могучие инстинкты хищников. Лучшие качества будущих людей также формировались в схватках с животными. В цивилизациях собственно охота сохраняется. Но здесь она носит в большей степени не промысловый характер, а демонстративный. Это заповедный прием самоутверждения. Пробужденный природой страх актуализирует в душе, казалось, забытые образы первозданности.

Стадо предлюдей охотилось на большой территории. Выслеживать зверя уходил далеко вперед небольшой отряд самцов. В основном стойбище оставались те, кто не мог принимать участие в охоте. Тем самым жизненный опыт сородичей был неодинаков. Участниками охоты в лагерь доставлялась не только мясная пища. Они замечали повадки животных, наблюдали природу, примечали дорогу назад. Это были первые географы. Добившись успеха, охотники часть добычи съедали на месте, а другую, большую и лучшую, как об этом свидетельствует археологический материал, приносили в стадо. Забота заставляла их транспортировать на далекие расстояния разделанные туши животных. Трудно говорить о распределении пищи внутри стада, тем более ее равном распределении. Распределение - атрибут более развитого состояния культуры, а равным оно никогда не было. Как свидетельствуют наблюдения над животными, наиболее сильные особи берут себе большую часть добычи. Тот, кто вкладывал равную долю в успех, не в равной мере поль-

зуется ее плодами³⁰. В этом скрыта тайна власти. В мире ли животных, в среде ли культуры много сил затрачивается не только на добычу пропитания, но и саму организацию коллектива, что в природе называется доминированием, а в культуре - властью.

Судя по всему, в стаде архантропов солидарность компенсировала раздоры. Последние проявлялись чаще при выборе брачных партнеров. В условиях организации и осуществления какой-либо деятельности разногласия снимались³¹. Этот принцип с благодарностью перенесла сформировавшаяся культура, где общее дело является лучшим дипломатом, парламентаром и третейским судьей; безделье и праздность - мать раздора.

Собирательство оставалось в большей степени уделом тех, кто не охотился. У домашнего очага постепенно вскармливалось чувство ожидания. Самки, детеныши, пожилые и больные сородичи ожидали наиболее активную часть своего стада, охотников, от которых зависели обеспечение мясной пищей и безопасность. Находясь вдали от стада, охотники подвергали опасности не только себя, но и их ожидавших, которым грозила опасность нападения со стороны животных или других архантропов. Немногочисленность стада и большая смертность в нем по разным причинам сказались на продолжительности периода становления культуры. Но тот факт, что стадия питекантропов не оказалась последней, говорит о важном достижении формирующихся людей - чувстве общности, пусть пока больше интуитивном и символически не закрепленном. Это интуитивное чувство соединенности всех сородичей перейдет по наследству и к неандертальцу.

Мясная пища калорийнее и питательнее растительной. Голод, сопутствующий архантропам, как, впрочем, и всей культуре во все ее времена, утолялся, и у них освобождалось немного времени от бесконечного поиска еды. Трудно сказать, как использовалось оно тогда. Скорее всего, вновь на подготовку к охоте: производство орудий, сооружения шалаша, охотничьих ям, поддержку костра и т.д. Но стоит думать, что в свободное время преумножалось и идеальное. Отнятое у еды время шло и на рождение новых идей. Известного рода лень и освобожденность от физического труда совпадает с мыслящим началом личности в цивилизации. Здесь лень не только источник всех пороков. Многие бездельем добиваются того, чего другие не могут достичь долгой работой. Но говорить об отдыхе и досуге питекантропов не приходится. Это были, скорее, не ростки, а какие-то микроскопические

³⁰ См.: Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. С. 176-203.

³¹ Известный запрет первобытных народов вступать в брачные отношения в период непосредственной подготовки к охоте или рыбному промыслу.

движения в культуре, которые могут долгое время оставаться на этом затаенном уровне и лишь спустя долгое время неожиданно раскрыться в полную силу. Так станет и с членораздельной речью, на которую синантропы, судя по анатомическому анализу, были способны. Но честь открытия языка как одного из главных факторов культуры принадлежит не им.

3. Неандертальцы

Неандертальцы представляют собой следующую за питекантропами стадию становящейся культуры. Несмотря на то, что они непосредственно предстоят человеку разумному, сформировавшемуся обществу, существует много загадок и необъясненностей, связанных с их существованием. Находки неандертальцев, или палеоантропов, известны на широкой территории, исключая северные районы Сибири, Австралию и Америку. За период своего существования, 200-40 тыс. лет назад, они дважды пережили ледниковый период, когда средняя температура лета на юге Европы оставалась близкой к нулю градусов³².

Палеоантропы считаются промежуточным звеном между человеком современного вида и архантропами. С первым неандертальцы объединены даже в один род. Их объемы мозга почти совпадают: у современного человека средний показатель составляет около 1500 куб. см, у неандертальца - 1450 куб. см. Правда, отдельные участки мозга у него остаются несформированными. Если брать анатомическую триаду (прямохождение, развитая кисть и объем мозга), то перед нами почти венец эволюции. Эта попытка облегчить себе задачу поиска тенденций культуры, уравнивать ее развитие с главной линией морфологических изменений и доставила всех больше хлопот и противоречий исследователям. Ранние неандертальцы имеют больше сапиентных свойств в анатомии, чем поздние. Бытовало даже мнение о том, чтобы признать эту ветвь гоминид за тупиковую. С другой стороны, поздние неандертальцы, классические, больше преуспели в совершенстве орудий труда, чем так называемые позднейшие, у которых больше архаических черт в технике изготовления орудий. Вообще, у палеоантропов большое расхождение в биологических характеристиках и археологических типах.

---

³² Об особенностях жизни неандертальцев и их характеристику см. в литературе, предложенной в сносках 4 и 19, а также: Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953; Констебл Дж. Неандертальцы. М., 1978; Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. М., 1969; Верещагин Н.Н. Почему вымерли мамонты. Л., 1979.

Только недавно их стали принимать за общую стадию, непосредственно предшествующую современному человеку.

Многое в проблемах неандертальцев может прояснить решение вопроса о самопроизводном или миграционном характере антропосоциогенеза. Если особи передового анатомического склада в течение тысячелетий перемещались на значительной территории и передавали в поколения морфологические приспособления к пользованию элементами культуры, то длительность и пространственность объясняют непрерывность биологической эволюции. Анатомия человека является ключом к анатомии обезьяны. Эта фраза служит методологической основой при анализе фактов и процессов антропосоциогенеза. В одну линию выстраиваются биологические и культурные показатели, в первую очередь - уровень развития орудий, т.к., исходя из той же методологической перспективы, они являются искусственными органами тела. Что не совпадает с этой логикой, оказывается тупиковым или стадийно предшествующим. Конечно, в процессе становления культуры имеются свои периоды, с которыми связаны открытия фундаментальных ее элементов. Но видеть в ископаемых формах гоминид субъектов культуры будет не совсем правильным. Они в такой же степени объекты культуры. Следует думать, что свойства и закономерности развивающейся культуры отличны от уже сформировавшейся как особое целое. Генезис культуры связан не только с изменением анатомии гоминид и следующим или опережающим его совершенствованием орудий деятельности. Ведь культура есть особая, отличная от природы, среда. Ее общая динамика разнонаправлена с естеством, хотя его влияние всегда определенным образом сказывается. В культуре материальное и идеальное совпадают. Но это реализуется не только в орудиях деятельности, но и во многом другом: доме, огне, сигнальной системе, отношениях в коллективе, морфологии и т.д. Об этом не следует говорить как о чем-то побочном, сопутствующем магистральной линии эволюции.

Способность производить орудия не передается генетически, как и все остальные элементы. Вряд ли стоит думать, что были какие-то активные способы передачи информации, кроме подражательных. Следовательно, с гибелью носителей лучших достижений культуры возникала угроза ее полного уничтожения. Повторных открытий могло и не быть. В предшествующей методологии они объясняются общими закономерностями живой природы: борьбой за существование, естественным отбором, изменчивостью. Схватка за жизнь вновь якобы приводила к совершенствованию технических средств. В этом объяснении не меньше загадок. Все как бы шло само по себе: совершенствование орудий влекло реформацию тела, способного их производить и пользоваться

ими. В случае с неандертальцами это не подтверждается. Приходится выбирать приоритет, который в биологизаторской традиции остается за характеристикой тела.

Если выявлять передовой отряд эволюции, то ближе к человеку разумному можно было бы говорить о едином центре возникновения человечества, расселяясь из которого военным путем эти представители рода хомо распространились по всей ойкумене. Стадия неандертальцев как будто нарушает предшествующие закономерности антропосоциогенеза. Нет никаких подтверждений, что на всей территории расселения гоминид все ранние их формы генетически связаны с поздними.

Палеоантропы уже имеют расовые отличительные признаки. Значит, миграции в это время были не столь значительны, и природа успевала наложить ретушь на формирующихся людей. Нет фактов, подтверждающих, что завоевание ойкумены произошло какой-то одной ветвью неандертальцев с определенными расовыми отличиями, которые в дальнейшем получили вторичные расовые признаки. Следовательно, переход от палеоантропов к человеку современного вида, хотя и неровно, осуществлялся на всей территории, заселенной неандертальцами. Здесь были не только заимствования и контакты отдельных групп, но и самопроизрастание культуры в соответствии с внутренними творческими возможностями, кроющимися в уже существующих элементах культуры, символах идеального.

Неандерталец вюрмского оледенения, найденный в Европе, имеет объем мозга, приближенный к человеку современного вида, и усложненные орудия деятельности, относящиеся к археологической культуре мустье. По анатомическим же показателям они регрессивны, имеют локальную специализацию и более грубое, массивное тело. Находки палеоантропов примерно этого же времени в Средней Азии представляют совсем иной тип: они более утонченны в морфологии и представляют переходный тип между человеком современного анатомического вида и неандертальцами. Уровень технического оснащения южных палеоантропов уступал классическим. Кроме того, на территории Европы рядом с памятниками классических неандертальцев были найдены останки переходных форм, связывающих их с более прогрессивными, позднейшими формами палеоантропов. Это дает основание не только предполагать вторжение на эту землю с юга усовершенствованных, позднейших неандертальцев с их дальнейшим смешиванием, но и считать возможным самостоятельный переход в Европе от классических неандертальцев за очень короткий срок через какие-то промежуточные неустойчивые стадии к человеку современного вида.

Приведенные выше факты никак не могут быть объяснены с позиции биологической эволюции, когда из ранних форм, отличающихся стадийными усложнениями по сравнению с архантропами, возникают иные, теперь с уже регрессивными характеристиками скелета, а из них вновь вырастают ветви эволюции, непосредственно приводящие к сапиентным формам. Вместе с этим к неандертальской проблеме примыкают: вариантность и локальные отличия палеоантропов, что отмечается впервые в истории становления человека; ограниченность во времени на всей территории обитания неандертальцев перехода к анатомическому строению человека разумного; наличие у него многих черт человеческой культуры (захоронение тел умерших, совершение магических действий, помощь больным членам стада, врачевание, зачатки искусства в виде наскальной живописи, зарождение религиозного чувства и др.) и вместе с тем какая-то особая агрессивность внутри стада. Найдено большое количество черепов неандертальцев, пробитых ударами каменного орудия.

Палеоантропы, жившие вблизи ледника, не могли ограничиться для обогрева лишь огнем. Большое количество скребел в инструментарии этих великолепных охотников свидетельствует о том, что шкуры промысловых животных все больше использовались в быту. Они шли на строительство шалашей. Суровость климатических условий того периода позволяет судить и о наличии **одежды** из тех же шкур убитых животных, некоторых - специально для этой цели³³. Неандертальцами был освоен еще один элемент культуры. У них он носил чисто функциональное значение. Спустя тысячелетия, в эпоху цивилизаций, в европейский галантный век, раньше и позднее, на Западе и Востоке, одежда будет играть совсем иную роль. Модницы и щеголи отдадут зеркалу лучшие утренние часы; карнавальные маски подстроят множество ловушек, но уже не животным, а беззащитным от стрел Амура сердцам людей; как золото эполет будет сиять лучами славы и мужества, так и монашеское облачение скует всякое проявление жизни. Словом, у одежды все в будущем. Но главное, что человек, тогда еще становящийся, постепенно привыкает к неестественному, преобразенному внешнему виду своего тела³⁴. С учетом того, что неандерталец рисовал на пещерных сводах образы животных, можно предположить

---

³³ Во время археологических раскопов находят остатки зверей, с которых были сняты только шкуры, а вся оставшаяся часть брошена.

³⁴ Современные отсталые племена, живущие в теплом климате, также используют нечто наподобие одежды. Лоскутки, перья, повязки носят, скорее, символический характер. Очевидно, если бы с одеждой связывалось только функциональное значение, на юг она никогда бы не пришла.

определенную долю эстетизма в восприятии покрытого человеческого тела. Оно до сих пор оставалось, пожалуй, одним из последних проявлений данности, естества в мире культуры. У неандертальца были уменьшенными, по сравнению с архантропами, лицевые части черепа. С определенной долей условности можно сказать, что неандертальцы имели лицо. Это самая главная деталь человека. Вместе с лицом появляется и облачение, а также желание подправить или скрыть лицо³⁵. Глаза - главный барометр души, не подвержены никакой утайке. Хотя человеческая душа и ее проявление в лице - атрибут более поздней, даже не первобытной, культуры, у неандертальца видно какое-то зарождение, движение к этому. Сам же он был достаточно кровожаден и жесток. Но вместе с тем его посещали какие-то странные предчувствия, интуитивные открытия, которые делают эту эпоху наиболее драматичной из всех стадий антропосоциогенеза. Трагичность собственного положения воспринималась им самим, что не замедлило проявиться в деградации классического неандертальца. Кризис охватил все стороны становящейся культуры. Ее будущность зависела от одного главного вопроса. Быстрота и повсеместность перехода к хомо сапиенсу говорит, что ответ на данный вопрос был найден.

Судьба неандертальцев одна из самых трагических из всего периода становления культуры. Она полна противоречий и загадок. К этому времени элементы культуры получили достаточное развитие: усложненность дома³⁶, многообразие и типология орудий деятельности³⁷; умелое обращение с огнем, одомашнивание костра, профессионализм и дифференциация в охоте и т.д. Усложнялась и совершенствовалась также сфера идеального. Ее знаковая деятельность порождала новые и новые образы на границах или периферии идеальных знаков. Уровень развития палеоантропа подтверждает мысль о наличии у него довольно развитой интеллектуальной деятельности. Относительная по сравнению с архантропами оседлость свидетельствует в пользу обладания неандертальцами внушительным культурным багажом и определенной привычкой жизни в культуре. Искусственная среда существенно расширила свое пространство. Неандертальца в полной мере можно назвать культурным существом, что им и ощущалось с особой остротой, неизвест-

---

³⁵ Абсурдность стриптиза и порнографии заключается в сочетании лица и обнаженного тела.

³⁶ Жилище неандертальца имеет большие размеры и сложную конструкцию. Оно состоит из двух камер с мощным полом и очагом. Снаружи шалаш обтягивался шкурами, прижимаемыми к земле камнями. Арматуру его составляли колья или кости крупных животных. В таких домах неандертальцы жили годами.

³⁷ Насчитывается порядка 60 типов изделий из камня и кости в этот период. См.: Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. С. 108.

ной предшествующим стадиям антропогенеза. Главным, что может охарактеризовать палеоантропов, является приобретенное чувство культуры, а значит, и жизни. Они делали совершенно непрактические шаги, с точки зрения борьбы за выживание. Широко известен факт оказания медицинской помощи раненым и больным сородичам в стаде неандертальцев³⁸. "Непрактичность" их не только в отношении медицинской помощи погибающим, но и наскальных рисунков, захоронений в скальном грунте, магических действий просто ошеломляет. Отсюда бескорыстность характеризует одно из глубочайших движений культуры любого уровня и стадии. Из этого "незачем" вытекают фундаментальные свойства культурного бытия: вера, любовь, истина, прекрасное и т.д.

Неандерталец оказался флагманом самосознания культуры. Он видел в природе нечто иное, неестественное, по отношению к которому его жизненное пространство выглядит своеобразным. Естественность входит в состав культурных элементов: орудий, дома, одежды и т.д. Но главное во всем этом не их природные качества, а особое использование. Сосредоточенность основного числа культурных элементов в жилище предчеловека также свидетельствует об особом статусе дома в отличие от разрозненных предметов быта. Скрытое начало всех культурных ценностей того периода и особое качество их соединенности пробудили у палеоантропа оостренное чувство неестественного или, точнее, сверхъестественного.

Особенность этого качества такова, что оно не зависит или совсем не так зависит от природного начала, как все остальное в природе. Культурную жизнь теперь следует не только перенимать, поддерживать, но ей следует учиться, т.е. постигать чувство сверхъестественного жизненного присутствия. Без напряжения всех сил коллектива жизнь пройдет мимо, ее не удержать. В этом смысле жертвенность культурным принципам оказывается стратегией поведения развивающегося человека. Неандерталец жертвовал свободным временем, жизнью сородичей³⁹, чувством сытости и др. Это уже не животное, даже не обезьяночеловек, а сложное культурное явление. Непричинность его действий от природного начала с особой силой доказывает это.

Связь с жизнью, т.е. со сверхъестественным не только ощущалась неандертальцами, но и стала для них потребностью. Этой стадии антро-

---

³⁸ Об этом говорят находки неандертальцев с ампутированными конечностями. См.: Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. С. 227-231.

³⁹ Известны ритуальные захоронения неандертальцев с пробитыми ударом каменного оружия черепами. Вокруг могилы выложен круг из камней. См.: Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. С. 232.

посоциогенеза принадлежит одно из величайших открытий культуры, открытие одного из базисных ее элементов - **религии**. Религия - это признание высшего сверхъестественного, животворящего начала и определенной связи человека (а также и неандертальца) с ним. Человек имеет какое-то отношение к жизни, и жизнь также относится к человеку. Религиозное чувство является непосредственным чувством жизни во всех ее проявлениях. Религия возникает на самых последних ступенях движения к первобытной культуре. Она особым светом озаряет и преобразует предшествующие культурные наработки. Культура развивается далее в направлении религиозных поисков. Вероятно, так можно охарактеризовать всю стадию палеоантропа. Возникшее мучительное чувство сверхъестественного требовало своего выражения. С этой позиции наскальную живопись, особое отношение к умершим, культовое захоронение, ростки медицины⁴⁰ можно рассматривать как религиозные символы.

Вряд ли до конца объясним обычай хоронить умерших у неандертальцев гигиеническими соображениями. Постепенное приобретение иной жизни, растущее религиозное чувство рождали противоречивые последствия, отразившиеся на поведении предлюдей. Ощущение жизни и благоговение перед ней⁴¹ производили противоположное переживание: страх перед потерянной жизнью и возможностью ее утраты. Тело покойника вызывало и вызывает ужас перед естеством - во что превратилось бывшее когда-то сверхъестественным; ужас перед поражением культуры, перед тщетностью надежд, потерей, упущением культурной, жизненной энергии и ощущение грандиозности, непобедимости жизни. У неандертальца здесь концы не сходились с концами. Он не бросал умерших как попало, снабжал их необходимым для привычной жизни⁴², даже определенным образом ориентировал их в могиле; кроме того, он спасал своих больных сородичей, которые в естественном состоянии стали бы обузой и погибли. Но вместе с тем он приносил в жертву собственных членов коллектива, отличался кровожадностью и не щадил головы сородичей под ударами каменного топора. Противоречивость открытия неандертальца завела его в тупик. Это отразилось на застойности его в течение тысячелетий по многим показателям, в том числе и деградацией морфологического строения. Массивность анатомической

---

⁴⁰ Религия и медицина связаны между собой, но религии от медицины больше всех досталось в попытках доказать естественность жизни. Существуют некоторые интересные медицинские взгляды на культуру, в том числе и идеи З. Фрейда.

⁴¹ То, о чем так живо писал А. Швейцер.

⁴² В захоронениях неандертальца найдены орудия труда, остатки пищи и даже лекарственные цветы. См.: Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. С. 230-236.

организации классического неандертальца выразила не только узкую приспособляемость в условиях холода, но и ущемленное состояние духа.

На этой стадии культура столкнулась с фактом смерти. Смерть вошла в культуру. С ней следовало что-то делать, как-то окультурить, вернуть к жизни. Это не единственная парадоксальная ситуация, с которой столкнулись неандертальцы. Чтобы узнать, отличить жизнь, необходимо столкнуться со смертью. Теперь для культуры все, что есть, есть только в культуре, в жизни, и при определенных обстоятельствах жизнь и смерть совпадают. Страх перед смертью есть страх перед жизнью, тайна жизни приравнена величии смерти.

Свое еще неопределенное, почти интуитивное чувство жизни неандерталец попытался сберечь. Для этого ему требовалось отыскать соответствующие знаки и символы⁴³. Если уже сформировавшаяся культура решила эту проблему путем организации целой системы культовых действий, то палеоантропам до этого было еще далеко. Факты свидетельствуют не о законченности, а лишь о ростках магических действий. Сохранить религиозное чувство - следовательно уметь его постоянно воспроизводить, так как само по себе оно исчезает из культуры. Воспроизведение не означает постоянного творческого открытия одного и того же ощущения жизни. Оно требует сохранения первоначал, т.к. творчеству подвластно не все. Некоторые феномены культуры исчезают бесследно. Остаются только принципы, которые не открываются постоянно, а лишь поддерживаются. Не известно, хватило ли бы у культуры творческого потенциала для повторного открытия своих базисных элементов.

Перед неандертальцем стояла задача найти способ содержания религиозности. Но так как религиозное чувство растекалось по всем культурным элементам, требовались границы не только для религиозного символа, но и для смыкания всей культуры. Палеоантроп ясно представлял необходимость объединения созданного. Только в этом случае из жизни не уйдет ничего, не оставив хотя бы возможности воспроизведения. Из аморфного пространственного образования (что было начиная с хабилисов) культура должна превратиться в нечто устойчивое, замкнутое и ограниченное, т.е. должна в полном смысле стать неестественной. Чувствовалась необходимость избавиться от присутствующих

---

⁴³ Как в царстве Снежной королевы Кай составляет из льдинок слово "вечность", так и неандерталец "совсем замерз" от того, что пытался рационально подойти к религии. Религиозные чувства общи у всех людей, отличаются только средства их выражения, т.е. культурные символы религии (все же религиозное чувство первобытности несколько отличается от подобного в цивилизации).

на этой стадии антропосоциогенеза влияний животных, стадных процессов и механизмов, подрывающих культурную среду и в этот момент особенно угрожающих самому факту дальнейшего существования культуры. (Неандертальцы гибли от рук себе подобных, вооруженных созданной ими же каменной техникой.)

При всем при этом религиозный центр должен иметь очертания и в символическом, и в идеальном; требовалась наглядность и осязательность. У неандертальца появились гениальные проблески решения этой проблемы, с которой на этой стадии культуры окончательно справиться не удалось. В их погребениях, а также в ритуальных захоронениях костей животных присутствует форма круга. Круг из костных останков промысловых животных, обнаруженный археологами, охранял тело умершего сородича, захороненного в его центре. Многими исследователями такое частое бытование символа окружности объясняется наличием солярного культа. Такая трактовка не исключена с учетом важного значения света, тепла для жизни (домашний очаг стал моститься у неандертальцев, а это тоже своеобразный круг, связанный со светом и теплом). Но, вместе с тем, следует помнить, что развитие солярного культа более характерно для общества, открывшего уже земледелие. Не исключено, что круг неандертальцев символизировал поиск их единства и замкнутости культурного бытия. Быстрота перехода палеоантропов к неолиту может свидетельствовать в пользу того, что они были на правильном пути. Открытие круга ускорило процесс становления культуры и общества. А пока этого общества, общения, общего неандертальцам не хватало.

Несмотря на всю свою эвристичность, круг не мог выполнить возлагавшиеся на него надежды. Дело в том, что замыкающаяся черта объединяла внутреннее, но разделяла его с внешним, что могло также относиться к культуре. В жизни неандертальца не было ничего такого визуального, что могло бы обобщить все, не разъединяя при этом ничего. Каждый изображенный знак открывает новую культурную перспективу, восстанавливая культуру тем самым против себя самой. Это в полной мере относится и к наскальной живописи того времени. Рисунки лишены законченности, в них не хватает целостности, того, что говорит об абсолютном присутствии жизни. Здесь больше безмолвной молитвы, скорби, ущемленной тоски, чем радости бытия. Смотрящие на наши поколения со стен палеолитических пещер бизоны, мамонты, лошади и др. животные, скорее, говорят о неровных проблесках жизни, чем о гармонии и удовлетворенности. Недостаток законченной графической образности отражает соответствующие процессы в идеальном и культуре. Культурный вклад начертательных образов огромен. Но графические

рубежи культуры не столь устойчивы. Их трудно сохранить во всех слоях жизни. Черта не создала общество и не объединила все знаки идеального. Ее трудно было сберечь, потому что подобных запретов неандерталец не создал. Она постоянно нарушалась из-за противодействия внутреннего и внешнего. Линия не оказалась универсальным объединительным началом, поиском которого мучилась культура.

Наиболее действенным ограничителем являлась тогда силовая доминанта (либо биологического происхождения, либо культурного, зависящая от ловкости и умения пользоваться искусственными орудиями для самоутверждения). Неандертальцы интуитивно понимали, что сила не в состоянии их объединить, а без этого обобщения дальнейшие открытия в культуре могли носить губительные последствия. В поиске основы единства коллектива, как в капельке воды, скрыт весь драматизм того времени. Рисунок, наглядный образ был в большей степени символом этой проблемы, чем осуществленного единства. Внешность, черта сродни силе. Ее следует предварительно приручить, чтобы она могла приносить и добрые плоды. Но пока еще культура не закончила свое формирование, и об окультуривании физической силы не могло быть и речи. Из всех предшествующих человеку форм только неандерталец обладал чувством жизни, и только ему одному она предстала исключительно в форме недостроенности. Этот Атлант жизни не выдержал тяжести собственного строения и погиб...

Неандерталец Европы жил в непосредственной близости с ледником. Не имея естественных средств защиты от холода, он воспользовался своими искусственными открытиями, еще раз подтвердив универсальную приспособляемость к природной среде. Нельзя сказать, что обитание в холодном поясе было желательным для предлюдей. Этому способствовало обилие мясной пищи, промысловых животных тундры. Увеличение численности палеоантропов и довольно большой радиус охоты заставляли расширять ойкумену. Освоение культурного пространства затрудняло постоянные кочевки с места на место, из северных районов в южные. Парадоксальным кажется тот факт, что несмотря на суровые климатические условия, численность стад неандертальцев существенно возросла по сравнению с архантропами, заселявшими более благоприятные для жизни районы планеты. Вероятно, умножение палеоантропов как-то обеспечивалось возможной пищей. (В истории общества никогда не было однозначно прямой связи между численностью населения и количеством продуктов питания). Не исключено, что не продовольственная обеспеченность способствовала увеличению стад неандертальцев, а относительный голод, этот верный спутник культуры и творчества. Усложненная культурная среда того

периода требовала применения многих сил. Определенный резерв силы оказывается неперенным условием развития. Он создает должное напряжение в коллективе, ведущее к дальнейшему творческому становлению. Причем результаты последнего по отношению к данному багажу индивидов могут быть самыми различными - от благодетельства до их гибели. Это состояние особо характерно для цивилизации, когда "лишние люди", никому не нужные, являющиеся источником негативных явлений в обществе, тем не менее способствуют активизации социальных процессов, жертвой которых сами же являются. Людские излишки - это безликий и бездонный океан истории, поднимающий на свою поверхность героев, якобы творящих ее. В цивилизации очень много докультурного, эмбрионального. Такая ситуация, никогда не возникающая в мире животных, когда не потенциальная пища определяет численность вида, сложилась впервые у неандертальцев. Это глубоко культурное явление.

С другой стороны, определенный запас особей в стаде и негативные процессы, с ним связанные, требовали решения проблемы объединения коллектива, а следовательно, и коллективов. На художественный образ наскальных рисунков, это пиктографическое письмо палеолита, возлагались надежды внутреннего примирения. Но в нем передавалось скорее действие, чем запрет. Для своих мыслей и идеальных образов неандерталец не находил соответствующих средств выражения, и наоборот, отсутствие должных символов идеального препятствовало творческому становлению культуры. Расхождение между мыслью и языком отмечается уже на этом этапе.

Увеличение населения среднего палеолита привело к усложнению отношений не только внутри стада неандертальцев, но и между отдельными группами, контакты между которыми не всегда складывались благоприятно. Объектами раздора были охотничьи угодья и добыча. Немало препятствий общению создали стычки из-за обладания самками как внутри коллектива, так и вне его. Упорядочение контактов требовало решения и брачных споров. Неандерталец потому и остался неандертальцем, что не смог обратить источник вражды в гарантию мира. Его природный эгоизм в данном случае одерживал верх. Он не обладал действенным средством цивилизации - средством отказа от себя для самобретения. Кровосмешение также не пошло на пользу его биологическому здоровью и отражалось на поколениях. Раздирающие неандертальца противоречия не могли как-то уравновеситься, сложиться в организующее начало, из которого бы, как из семени, произрастала культура. Семья в культуре означает собой момент ее окончательно-

го становления и хронологически совпадает с возникновением человека разумного.

Палеоантроп был не менее разумен, чем сменивший его неолит. Обозначение “разумный” дал ему К. Линней, живший в эпоху Просвещения, где разум считался главным атрибутом человека, субстанцией его развития. Но это обозначение не полностью отражает сущность перехода от стада к обществу и окончательному формированию культуры. Интеллект неандертальца был достаточно развитым. Он мог оперировать сложными идеальными знаками, отличал довольно тонкие элементы духовности. Единственно, что ему недоставало, это гарантий сохранности его достижений, обеспеченных тылов для дальнейшего творческого развития. Поэтому творчество неандертальца несколько отличается от соответствующих процессов мифологического периода и времени цивилизации. Поскольку у него не существовало целостности, этой плотины, препятствующей утрате достижений и способствующей новым открытиям, ему приходилось жить в постоянном творческом напряжении. Этим обособленным внутренним опытом может отчасти объясниться наличие локальных отличий среднего палеолита. Сюда прибавляются и природные особенности, поскольку они держали в тисках многочисленные поколения предлюдей, вынужденных обитать на одной территории много лет.

Утомление от постоянного интеллектуального напряжения отразилось на неровности этого периода развития культуры, на всех его противоречиях, несоответствиях, скорости протекающих событий. Неандерталец - бунтарь, или первый революционер культуры. И как любая революция, неандертальская больше рушила, чем создавала. Но вместе с тем она обостряла все негативные процессы и способствовала конструктивному решению неразрешенных проблем уже на другом уровне. Творчество палеоантропа - это творчество безысходности, в нем чувствуется какое-то демоническое начало. Такое обостренное чувство жизни и ее несостоятельности в культуре не встретится в последующем в течение длительного времени, вплоть до эпохи Ренессанса в Европе.

Развитие культурной среды ко времени существования палеоантропа требовало много усилий для ее освоения. Какая-то часть жизненного опыта могла передаваться непосредственно. Это то, что связано с производством материальных предметов. Хотя и здесь не все зависело от знаний одного поколения. Период рассвета и упадка культуры этого времени свидетельствует об иных, не генетических, механизмах развития. Хабилисы и архантропы отличались большей ровностью в создании искусственной среды. Открытия отдельных коллективов исчезали вместе с гибелью их. Поэтому на этом этапе антропосоциогенеза многое

зависело от отдельных, передовых групп гоминид. Утрата быстро не возрождалась. Поэтому столь долг ранний период становления культуры. И только огромные хронологические рамки создавали условия для повторных изобретений и закреплений их в культурной среде. До неандертальцев можно выделять территории ойкумены, заселенные более прогрессивными особями гоминид. Отсюда вытекает и проблема поиска возможных центров прародины человечества. На уровне палеоантропа эта проблема снимается почти одновременным переходом к неоантропу на всей территории их расселения. Вероятно, причину этому явлению следует искать не в эволюции морфологического строения гоминид, а в особенностях самовоспроизводства культуры.

С момента возникновения первых элементов культуры уже невозможно вести речь об эволюции, т.е. разворачивании сущности того же порядка, что и мир природы. Теперь начинает раскрываться иное начало, которое во внутриутробном состоянии во многом зависит от материнского тела природы. Неандерталец - почти готовый продукт культуры. Он в большей степени озабочен не борьбой за выживание, а поисками самого себя, т.е. общности с себе подобными и с жизнью.

Элементы культуры представляют собой не просто материальные предметы типа орудий, жилищ, огня, одежды и т.д. В них скрывается идеальное, идеальный знак, идеальный образ, благодаря чему эти элементы и появляются на свет. Находясь в культурной среде, гоминиды приобщались к идеальному. Может быть, отдельные коллективы имели более высокие достижения. Но важно, что каждый из них обладал способностями к рациональному. Открытие могло повториться либо быть расшифрованным в символах культуры, оставленных погибшим коллективом.

У идеального свои пути развития. Творчество - одно из главных его характеристик. Идеальные знаки могут не только репродуцироваться, но и порождать благодаря особому взаимодействию совершенно иные, качественно новые образы. В определенном смысле под творчеством можно понимать создание новых идеальных образов и их воплощение. На период палеоантропа выпадает время особенно бурных творческих процессов, связанных с усложнением культурной среды и более тесным внутренним взаимодействием ее элементов. Возросшая плотность культуры стимулировала творческую деятельность. Идеальные образы стали устойчивее. Об этом говорит отмечаемая у неандертальцев типология в производстве орудий. Идеальное дифференцируется. Вслед за этим усложняется и поведение гоминид.

Сфера идеального разрослась. Отдельные ее части приобрели отчетливость и относительную самостоятельность. Но не хватало закон-

ченности и взаимодействия всех идеальных знаков. Неандерталец вынужден находиться в постоянном творческом напряжении, поскольку многие плоды его творческих усилий пропадали, но он тут же воспроизводил их. Сизифов труд и постоянная творческая напряженность при-тупили интеллектуальные возможности неандертальцев, вызвав ряд регрессивных процессов, отразившихся в том числе и на анатомическом строении. Стоит думать, что палеоантроп был не только гениальным открывателем многих явлений культуры: религиозного чувства, круга, рисунка, черты. Он не только развил и придал динамизм идеальному. Неандерталец был первым, кто открыто выступил против культуры и ее наметившихся усложнений. Деграция классического неандертальца может объясниться тем, что он, устав от культурного напряжения, попытался воспользоваться еще не исчезнувшими полностью возможностями узкой природной специализации.

Ситуация пришедшего в движение идеального была характерна для всей территории расселения палеоантропов. Их увеличивающееся население оказывалось в довольно сложной культурной среде, нуждающейся в постоянном воспроизводстве. Интеллектуальные способности основной части неандертальцев сохранялись на достаточно высоком уровне, несмотря на гибель отдельных стад с возможными более прогрессивными наработками. Следовательно, по всей территории ойкумены встала задача отыскания в творческой лаборатории культуры деталей, недостающих для ее завершенности. Эти грандиозные открытия, приведшие к окончательному становлению культуры и общества, на анатомическом уровне отразились появлением около 40-35 тыс. лет назад человека разумного.

Глава II

Первобытность культуры

1. Становление мифа

Рисунки пещерных жителей среднего палеолита оказались не только первой школой, но и творческой лабораторией культуры. Здесь произошло открытие одного из главных элементов ее, определившего весь ход дальнейшего общественного развития. Грубый холст допервобытности привел к образованию звукового языка и речи.

Многочисленные рисунки неандертальцев имеют фоном или первоначальной "пробой кисти" параллельные волнистые линии¹. Они встречаются также в одиночку или группами на камнях, костях животных. Эта традиция - изображение волнистых линий на предметах, сохранится на протяжении всего мифологического периода почти у всех народов мира². Как уже говорилось, палеоантроп открыл возможности линии. Они оказались неограниченными (за исключением фиксации самого ограничения): могли произвольно изгибаться, образуя различные формы, и в конце концов, замыкаясь, переходить в круг. Круг выглядел предельным совершенством линий³. Возник своеобразный графический мир, задумка, действие, произведенные бесконечным дублированием одного и того же начала. Что могло натолкнуть древнего художника на изобретение линейного универсализма? Не исключено, что это откры-

---

¹ Окладников А.П. Утро искусства. Л., 1967. С. 35 и далее.

² См., например: Равдоникас В.И. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л., 1930.

³ См.: Окладников А.П. Утро искусства. С. 35. (О графическом изображении овала в палеолите).

тие произошло под впечатлением мучительного и неизбежного соседства формирующихся людей со змеями, водившимися в изобилии в теплом климате Старого света. Древнейший человек, как, впрочем, и современный, не мог избавиться от столь ужасающего соседства⁴. Эти рептилии проникали в любые отверстия, заполняли все ниши, размножались в большом количестве. Сама природа змей также замечательна: распространены они достаточно широко на Земном шаре, кроме отдельных районов Севера, поэтому были постоянными спутниками формирующихся людей; передвигаются непривычно беззвучно, почти не оставляя следов; к тому же у них отсутствуют какие-либо органы для передвижения; жизнь змей проходит на земле, под землей, в воде и даже на деревьях; смертоносные укусы и немигающий, заволаживающий взгляд производят огромное психологическое впечатление; и наконец, изгибающееся тело, способное принять любую форму. Может быть, феноменализм и своеобразный универсализм змеи привели неандертальца к открытию всемогущества линий.

Культ змеи у человечества является одним из самых распространенных. Даже некоторые современные народы Европы сохраняют его следы до настоящего времени⁵. Этот символ широко использовался в мифах народов мира⁶. Античные греки связывали его с медициной, т.е. с божественной сферой, находящейся на пограничье земной жизни и смерти.

Извилистые линии на скалах и камнях выглядят как заготовки, фрагменты будущих изображений оленей, лошадей, кабанов. Линия закрепляла, преобразовывала и передавала информацию. Она производилась специально предназначенными для этого резцами и была, как и резец, продолжением руки, т.е. жестом. Наскальные образы неандертальцев были фиксированными жестами, в них сила и слабость последних: темперамент, энергичность, конкретность, но с другой стороны, полисеманτικότητα и, несмотря на все претензии, ограниченность, что вполне соответствует природе черты. Пещерные люди интуитивно почувствовали в застывшем жесте средство преобразования собственной

---

⁴ Этимологическая и семантическая близость слов: уж - ужас.

⁵ Из всех европейских народов современности наибольшая сохранность культа змеи отмечается у балтов, особенно в Литве. См. по этому поводу работы В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Н. Велюса, Д. Прани и др., а также рукопись диссертационной работы на соискание степени кандидата философии: Шустров А.Г. Эвристические возможности рационалистических методов познания культурных феноменов (опыт изучения балтийской мифологии). Здесь дается обзор источников и список литературы по этому вопросу.

⁶ См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Змей: Мифы народов мира: В 2 т. М., 1991. Т. 1.

жизни. И в мифологический период рисунок продолжал играть свою роль⁷.

Рисунок находился в доме неандертальца, а дом во все времена являлся своеобразным снимком культуры. Пробравшись в жилье, вьющиеся линии-змейки произвели рекомбинацию находящихся там элементов культуры, во многом способствуя их сплочению. Линия-змея стала фоном, на котором происходило уплотнение культуры. Эту новую среду необходимо было оберегать для сохранения самой возможности жизни. Вопрос о первичности и вторичности в культуре звучит иначе, чем в природе⁸. Искусственной среде в первую очередь необходимо сохранить себя саму. Для этого у неандертальца не было иного средства, как перевести рисунок другим рисунком⁹. Опыт письма транслировался новым письмом, что заставляло бесконечно повторяться и множиться. В конце концов это нагромождение внешних знаков перестало выполнять знаковую функцию, т.к. из одного рисунка трудно было вывести другой. Идеальное же сохраняло большую гибкость при этом. Обостренное несоответствие между идеальными и материальными знаками вызвало дисбаланс в культуре. Ее начавшаяся деградация не была бы преодолена, если бы не нашлось иного посредника элементов искусственной среды, проникающего подобно линиям-змейкам повсюду¹⁰, но лишеного их ограниченности - **звукового языка и речи**. Открытие слова произвело языковую революцию и закончило путь формирования культуры, длившийся почти 3 млн лет.

Внешний, морфологический, облик человека современного вида многим обязан членораздельной речи. Сформировались зоны левого полушария головного мозга, отвечающие за конструкцию языка. Слово оказалось сильнейшим координатором всех физиологических процессов. Широко известно влияние его на телесную и духовную структуру человека, потрясающее воображение самых искусных лекарей. Слово придало движение глазам и изменило мысли. Человек, в буквальном

---

⁷ См. указанную работу А.П. Окладникова, где дается характеристика основных этапов первобытного искусства.

⁸ Удовлетворение биологических потребностей не является для культуры первичным. Это дань естественным корням, т.к. у культуры нет собственных корней. Она вторична хронологически. В культуре нет такой разделенности, где части противостоят друг другу или одна из них является абсолютной детерминантой для всех остальных, производных от нее. Становящийся человек с каждым разом все увереннее закреплял навык к культурной жизни, становился существом неприродным, и в этом смысле культура для него первичнее естества, с которым он не может себя сопоставить.

⁹ См.: Окладников А.П. Утро искусства. С. 44.

¹⁰ Известный мифологический сюжет о Змее, соединяющем Небо и Землю.

смысле, сформировался мыслящим и глядящим на мир существом благодаря открытию членораздельной звуковой речи¹¹.

Способность к производству звуков и использованию их в качестве сигналов относится также к синантропам и неандертальцам. Но в момент завершения формирования культуры звук был использован в качестве универсального средства общения. Такими задатками универсальности, ничто, кроме звука, не обладало. Он стал вездесущим в пространстве, где живут люди. Язык освободился от визуальной ограниченности и самовраждебности черты; причинно не был связан ни с жестом, ни с каким другим телесным проявлением. Он исходил изнутри, т.е. оттуда, где чувствовалась сама жизнь, где она принимала различные формы переживания, и был непосредственным вестником души. При равенстве внутренней и внешней жизни ставшей, первозданной, культуры слово воистину оказалось гласом с небес: человек как бы говорил не сам, а выговаривался тем началом, сопричастность с которым стал осознавать.

Эта вновь открывшаяся тайна бытия стала общим делом коллектива. Стадность, главным признаком которой является биологическая необходимость совместной жизни, заменилась общностью отнюдь не производственного или другого функционального начала. В обществе мы видим рождение новой формы бытия, наконец замкнувшейся после длительного пути эмбрионального развития. В этом смысле культура и социум равны. Это равенство подтверждается тем, что культура и есть единство людей, бесконечно создающих прецедент жизни. **Общество** стало видимым, символическим телом культуры. Оно так же, как и морфологический облик каждого человека, представляет собой великую тайну жизни.

Речь не только способствовала охоте или иной форме деятельности. Эти ее функции оказались производными от главной - объединения коллектива. Язык превратился в универсального посредника общественной жизни, а также отношений между культурой и естеством. Он теснит непосредственный мир природы, и теперь человечество видит его словесно, умозрительно. Чувствуя потребность в непосредственном общении с естеством¹², люди стремятся вырваться из оболочки культуры, пробиваясь к естеству молчаливыми действиями силы. Вследствие этого человек дичает, становится агрессивным и, в конце концов, дегра-

---

¹¹ Различную семантику слова "человек" в индоевропейских языках см., например: Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989. С. 193-195.

¹² В истории человеческой мысли встречаются бесчисленные призывы к этому, в том числе и лозунг Руссо "Назад к природе!".

дирует. Теперь долгий интуитивный контакт с природой не идет ему на пользу. Общество учится понимать ее, т.е. впитывать, преобразовать в словесных формах, окультуривать. Культура делится своей тайной и силой с той частью космоса, с которой соприкасается. Природа размещает собой жизнь, объединенную культурой.

Сама жизнь находит в культуре не источник, а пристанище, хорошо подготовленное место. За дар самораскрытия она требует от людей постоянной службы, трансляции условий для ее существования в поколения. Поэтому одним из важнейших свойств языка является его постоянное дублирование среды, в которой он возник. В этом смысле он значительно превосходит рисунок, где передача образа накладывает один знак на другой, исключая прежний и делая невнятным новый. Знаки же звукового языка, напротив, не только не уничтожают предшествующий, но и сохраняют, даже усиливают его содержание на всем протяжении звукоряда. Речь делает, казалось бы, пустой звук бессмертным, приводя в движение разрозненные знаки¹³. Она отрицает знаковый сепаратизм, что было характерным для этапа становления культуры. Речь в прямом смысле этого слова есть бесконечное движение и самовоспроизведение; это жизненный поток, нескончаемая творческая эволюция¹⁴.

Словесное творчество нельзя рассматривать в первичном значении как сигнальную систему¹⁵. Во многих случаях знаки языка не несут никакой информации, в других же - разные языковые коды имеют схожую семантику. Звуковой язык постигла бы участь предшествующих знаков, если бы речь не вдохнула в него жизнь. Она сделалась и его внутренним содержанием, и внешним проявлением. Звук оказался непревзойденным субстратом общения. В тайне слова заключен фрагмент жизни, схваченной речью и обществом. Язык создал общество, целостную культуру, сделал человека человеком¹⁶. Эта сила единства помирила все знаки, превратив различие в момент общего. После этого деление уже не могло принести непоправимый вред культуре. Приводя в движение огромные социальные силы, при определенных обстоятельствах язык может

¹³ Ср. идеи Ф. де Соссюра о дихотомии языка и речи.

¹⁴ Определенные переключки с мыслями А. Бергсона.

¹⁵ Существует довольно распространенная теория, согласно которой звук является продолжением жеста. Об этой и других гипотезах глоттогенеза см.: Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С. 174-224; Донских О.А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск, 1984; Панов Е.Н. Знаки, символы, языки. М., 1983; Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1985 и др.

¹⁶ Теория об эволюции человека из животного мира сродни научной фантастике. Она отражает общее настроение научной мысли XIX в., где чувствовалась ее дерзновенность и стремление удовлетворить общественное ожидание чуда, исходящего не с неба, а с земли.

иметь и разрушительные последствия, отчуждать, создавать барьеры. Особенно это его качество проявится в цивилизации.

С моментом становления культуры как особого рода целостности, кроме возникновения звукового языка и общества, связано формирование сознания. Идеальное, засвидетельствовавшее о себе появлением первых орудий, является особой знаковой основой. Оно служит предпосылкой творческих процессов культуры, задавая тон развитию, не имеющему причинно-следственных связей с предшествующим. Идеальные образы-знаки воплощались в элементах культуры, символах, расширяли искусственную среду до того предела, когда встала проблема не дальнейшего умножения и разрастания идеального, а его замыкания. Ко времени неандертальца отчетливость идеальных образов возросла, и он достаточно умело ими оперировал, т.е. мыслил. Упомянутая типология каменного инвентаря археологической культуры мустье еще раз подтверждает это. Работа со знаками свойственна и животным. Они получают из мира информацию, расшифровывают ее, передают, решают порой серьезные задачи. Но собственно они не создают этих знаков, это делает за них природа. Естество распространяет неравномерно на своем протяжении мыслительные способности - реакцию организмов на окружающую среду¹⁷, своеобразную саморефлексию. Благодаря этому природа в целом постоянно открыта преобразованиям и изменениям, находкам и потерям. Идеальная знаковая деятельность с самого начала принимает отличный от животных характер. На уровне ранних гоминид она проявила себя исключительно как творческое начало, где под творчеством понимается создание небывалого в сжатых пространственно-временных рамках; небывалого и, может, даже невозможного во всей грандиозности естества, сопряженного с гигантской концентрацией энергии и силы, воплощенной в продукте творчества и излучаемой в течение целых культурных периодов. Хабилисы и питекантропы были в большей степени творцами, чем мыслителями; им приходилось чаще рождать схожие идеи, чем сохранять их и связывать. Интеллектуальная деятельность увеличилась у неандертальца, у него усилилась тяга к репродукции в идеальном. Повторялись и запечатлялись в духе образы материальных предметов, включенных в систему причинно-следственной связи. На этом этапе культуры обострилось противоречие между творчеством и мышлением. Неандерталец стремился сохранить творческие способности с одновременным удержанием в культуре плодов творческой деятельности. В какой-то момент равновесие нарушилось в пользу рационального, что неминуемо отра-

---

¹⁷ См.: Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981.

зилось в кризисах той поры. Мышление и творчество связаны между собой, но вместе с тем не настолько, чтобы вытекать друг из друга. Мышление может подводить к открытию нового идеального образа. Последний появляется на свет вопреки предшествующей причинно-следственной цепочке, и даже наоборот, изменяет ее, придает ей иное направление. В конце концов новый идеальный знак входит в систему тех или иных отношений, подчиняясь логике мысли и сохраняя культурное бытие. Творчество - скорее озарение, тогда как мышление - работа.

Активизация рациональной деятельности происходит в усложняющейся искусственной среде. Причинно-следственные построения пытаются охватить всю знаковую область культуры. Но рассудок не может остановиться, не приходит ни к какому результату и разрушает каждым новым шагом все созданное до этого. Вместе со становлением общества и языка происходит еще одно событие - формирование сознания, заключающего всю знаковую сферу и замыкающего идеальное. Сознание не является фактом культуры, ее универсальным элементом или чем-то равным ей, т.к. культура включает не только идеальное, но и материальное начало. Сознание - предпосылка культуры. Оно может рассматриваться как ощущение полноты жизни, столь манящее неандертальца, и быть ей идентичным¹⁸. Сознание - это сама жизнь, заключенная в столь же универсальные рамки, как и она сама. Границами этого состояния жизни явились общество и язык.

Сознание влияет на все психические процессы человека: волю, эмоции, память - делает их достоянием единого целого. Оно гасит разрушительную тенденцию рассудка. В нем мысль приобретает родной дом, пристанище, откуда можно уходить и постоянно возвращаться. Ничто родившееся уже не покидает круга, да и сам он невидим, не возбуждает внешней вражды. В сознании вообще нет внешнего. Это особое состояние бытия, где не действуют естественные законы эволюции с ее естественным отбором и исчезновения отдельных видов в результате борьбы за существование. Сознание представляется определенным аналогом природы, свободным от бесцельности и пустых трат. Оно замкнуто настолько, что не пускает к себе естество¹⁹. Таким образом, культура является средоточием двух форм бытия - материального и

---

¹⁸ Ср. соответствующие идеи М. Хайдеггера, а также М. Мамардашвили, см.: Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.

¹⁹ Ср. известные идеи Р. Декарта о параллелизме материи и духа.

идеального, где между ними не существует открытого противостояния²⁰.

Сознание опосредует любую знаковую деятельность. Мысль человека разумного становится смелее, так как ей теперь не надо самоутверждаться; она служит провозвестницей общего начала жизни. Эту свою принадлежность к целому идея выражает через слово. Изречение обвивает весь процесс мышления, делается действительностью мысли. В сознании идеальный знак рождается независимо от языка. Рациональное движется по своим законам и иногда столь быстро, что не успевает проговариваться. Но другого пути к осознанию мысли нет, кроме словесной деятельности²¹.

В психологическом плане сознание обнаруживается через целеполагание. Это состояние идеального представляет каждый свой образ в виде слепка с целого - цели. До момента становления культуры идеальные знаки не носили столь отчетливого характера, а у хабилисов и, возможно, питекантропов целеполагания вообще не было. Ведь цель является не только концентрацией силы сознания в единой идее, но и организацией индивида или социума на ее воплощение.

Новый уровень мыслительной деятельности отразился на всех видах знаков, в том числе и на рисуночном письме²². Кроме того изменился жизненный уклад первобытного человека, повысилось его техническое оснащение. Жизнь теперь не просто переживалась, но и продумывалась. От формы сознания зависела и форма жизни общества. Первобытная однородность человечества сменится цивилизационными разломами и проблемой поиска основ совместной жизни на Земле.

Проблема организации коллектива, достойной зарождающегося чувства жизни, стала самой острой в момент, когда завершался переход от неандертальца к человеку разумному. Новой форме общности требовалось оттолкнуться от структуры, задаваемой силой и ловкостью вооруженной руки. Подобное устройство грешит рецидивами постоянного перераспределения влияния, влекущего за собой в том числе и преимущества в выборе брачных партнеров. Критерий силовой доминанты ус-

---

²⁰ В культуре материальное одомашнивается, приручается идеей и не имеет столь враждебного к ней отношения. При этом определенное противоречие между материальным и идеальным в культуре все же сохраняется.

²¹ О соотношении языка и мышления существует большая литература в истории отечественной и зарубежной мысли. Обзор основной из них см.: Портнов А.Н. Язык и сознание: Основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX-XX вв. Иваново, 1994.

²² См.: Окладников А.П. Утро искусства., где дается характеристика основных этапов наскальной живописи и раскрывается отличие неандертальского рисунка от верхнепалеолитического.

корял сепаратизм некоторых отдельных частей коллектива. Вооруженные столкновения не только не приносили внутреннего мира, но и не способствовали налаживанию контактов с соседями. В верхнем палеолите увеличилась численность населения, и группы предлюдей часто жили в непосредственной близости. Культура принесла в стада неандертальцев мир. Использование звукового языка и речи сформировало общество с его универсальными прозрачными границами. Но оно не стало монолитом. Внутри его произошел раздел, основанный на все тех же свойствах языка. Диалог возник между двумя равноправными и взаимозависимыми частями общества - родами.

Причиной ссор в стадах предлюдей являлись нерегламентированные отношения между полами. Это осознавалось, но не было средств их упорядочения. Силовые и рисуночные запреты подстрекали к тому, чтобы их нарушать. Открытые возможности слова уравнивают всех: старых, больных, охотников, женщин. Оно нейтрально; энергия языка принадлежит сразу всему коллективу, никого не выделяет, а наоборот, ставит всех в зависимость от себя, подчиняет невидимой своей силе. Гениальное открытие, заложившее последний камень в фундамент культуры, связано с непререкаемым авторитетом слова. Вездесущий звук стал носителем запрета - табу. Первым табу был запрет вступать в половые отношения внутри стада. Последнее из открытого всяким распрям превратилось в закрытый инцестом коллектив - род. К этому подталкивал весь опыт предыдущей жизни. Табу иррационально. Оно не отдает предпочтения кому-то. Власть его сакральна и выходит из тайны самой жизни, осуществимой лишь при соблюдении определенных правил²³. Они сближают родственников, изолируют их от остального мира. Род так и остался бы самодостаточным, если бы не потребность продолжаться в поколениях. Эта его извечная слабинка привела к необходимости договора по столь же строгим правилам с соседним родом. Женщины из яблока раздора превратились в основу союза между двумя экзогамными родами. Первоначальная эндогамная община представляла дуально-родовой союз²⁴.

В макромасштабе раннее общество видится чем-то вроде брачного контракта, условной семьей, где реальной семьей, скорее, был род. Из него, как из семени, выросли все навыки культуры. Отличными педа-

---

²³ О законах и правилах как основных принципах культуры писал, например, Х. Ортега-и-Гассет в работе "Восстание масс". См.: Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991. С. 98. Культурологическая концепция З. Фрейда также исходит из понимания культуры как первоначального запрета кровосмешения - инцеста.

²⁴ В научной литературе это самое распространенное мнение. См., например, Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

гогами являлись каменные орудия, огонь, быт, различные виды деятельности. Но незаменимым наставником сделался язык. Постоянное общение с родственниками, их помощь и поддержка способствовали укоренению первобытного человека в культуре. Семья и язык стали универсальными элементами культуры, благодаря которым завершилось ее становление. Язык создал общество, как и словесные запреты - **семью**. Род превратился в семья культуры, отсюда, возможно, и ее название - семья. Но как каждому семени требуется для всхода еще благодатная почва, так этой почвой для рода стала община. Семья образуется из общественного диалога, сама являясь его особой формой. Таким образом, культура в основе своей диалогична. Пройдут тысячелетия, а это ее свойство останется неизменным.

В истории культуры семья меняется²⁵, но сохраняется ее основа. Основой семьи во все времена был и остается закон. Но не тот закон, что дается людьми, не юридический, а закон в буквальном смысле этого слова - нечто выходящее за пределы возможностей, неподвластное людям, данное им самой жизнью и требующее религиозного к себе отношения. В генах семьи нет ничего рационального, как бы ни объясняли это биологическими потребностями или материальными и общественными интересами. Семья - это непереносимое условие культуры, и как сама культура, она имеет религиозное происхождение.

В момент завершения становления культура приобрела законченность границ. Ее основные элементы стали верными стражами ее непроницаемости. Это было утро культуры. Дальнейшее ее развитие могло пойти в любом направлении. Радость бытия сказала на отношении к природе. Естество впервые стало своим. Замкнувшись внутри, общество открылось любому проявлению сознания. Так сформировался миф - первобытность культуры.

2. Мифология

Необходимость завершенности элементов культуры и превращения их в особую среду осуществилась на всем пространстве, заселенном людьми. Такая однородность человечества оказалась уникальной в его истории. Она ликвидировала наметившиеся локальные групповые отличия неандертальцев. Но вместе с тем культурное единство было единст-

---

²⁵ По истории семьи и брака см., например: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21; Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

вом множества замкнутых в себе мифов, создавших самодостаточные общества первобытности - этносы. Мифы породили этносы и поддерживают их до сих пор.

Ранний организм культуры состоял, словно из клеточек, из многочисленных коллективов, имеющих общую структуру. Первобытная ячейка хотя и выполняла разные функции в масштабе всей культуры, но объединяла все те же универсальные элементы. Какой-то принципиально иной организации жизни в этих монадах не существовало. Дух распределился равномерно по всей ойкумене. Это было торжество новой формы бытия, пробившейся сквозь угрозы творческих потерь, самоистребления непропорционального развития. Культура замкнулась по отношению к естеству. Оно теперь не угрожало прорывом в сформировавшиеся общественные связи. Период борьбы за существование закончился, и люди смогли приступить к решению иных задач.

Мифологическую стадию в развитии культуры нельзя назвать спокойной или скрытой. Ее латентность проявляется в попытках рационального анализа феноменов первобытности современным знанием. В истории культуры существуют два основных этапа - мифологический и цивилизационный. Причем первый занимает значительно большее время. Кроме того мифы не исчезли совсем. Они модифицировались и продолжают по-прежнему оказывать существенное влияние на общественное развитие. Детство всегда в памяти человечества.

Миф - это маленькая община первобытности, клеточка культуры. Мифология - путь ее развития в границах собственной самодостаточности, а также общие тенденции первобытности. Взаимодействие элементов культуры ограничивалось этносом. В нем происходило творческое становление жизни. В тот момент она ничего не требовала. Единственное ее желание - просто быть. К бытию стал причастен весь коллектив. Не существовало в нем ни одной внутренней грани, в которой жизнь могла задержаться, преобразиться или не соприкоснуться с другими частями. Авторство всех мифологических наработок принадлежит первобытному этносу. Его монолитность тогда не была нарушена таким социальным феноменом цивилизации, как личность. Человек ранней культуры не являлся носителем обособленного сознания, недоступного для остальных и для общества в целом. На всем протяжении первобытности он был проводником коллективных идей.

Протекание полноценной жизни в этносе делало ее тайной, известной только посвященным. Поначалу она давалась самим фактом рождения в коллективе и знанием языка общения. Язык был не только основным средством сближения и участия в жизни, но и являлся глав-

ным оберегом этноса от других ему подобных²⁶. Родство, основанное на общности происхождения, фиксировалось в этнониме, языковом символе этноса. Этноним первобытности, в соответствии с общим характером культуры, был символом, связывающим природный объект с его идеальным значением. Так возник тотем²⁷. В происхождении от тотемного животного, рыбы, растения или природного объекта проявилась наглядная основа общности этноса. Это была своеобразная запись языка, текст самой жизни. Тотем стал первым пограничником, чем потом будут являться боги, имена, термины, при иноэтнических контактах и основой самосознания по линии "мы - они". Он покровительствовал роду и общине. Зачастую это животное было непромысловым. А если его использовали в пищу, то при соблюдении обязательных церемоний²⁸.

Этноним не только служил символом единства внутри этноса или различия при взаимодействии его с другими. Он также являлся основным регулятором отношений культуры и естества. Закрытость мифа препятствовала выходу за его пределы, а значит, и за пределы культуры. Возникала определенная напряженность в отношениях двух форм бытия. Естество первичнее культуры. Хотя оно и участвовало в генезисе культуры, но не определяло ее основные закономерности. Мифологическое сознание превратило его в природу, в то, что дано обществу от рождения и постоянно находится при нем. Такое отношение к естеству закреплял в памяти этноса тотем. В нем сублимировался титанический этап культуры. Она уже не хотела постоянно поднимать проблемы своего становления. Воспроизведение жизненного опыта племени начинало с фиксации отношения к предыдущему этапу. Тотем закрывал этот вопрос навсегда²⁹, превращая естество в природу. Этноним как максимальная концентрация мифа был связан с объектами окружающей среды не практическими нитями. Практика, т.е. отношение к природе с целью удовлетворения биологических потребностей, никогда не находилась в центре культуры. Тотем это великолепно демонстрирует. Общество первобытности не поклоняется первому импульсу начала культуры. "Первичные потребности" не составляют ее сущности. Поскольку они биологического происхождения, то подобным же образом

---

²⁶ Об особенностях речевого общения между общинами, языковой изоляции и пестроте в первобытности см.: Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982. С. 14-17.

²⁷ О тотемизме см., например: Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

²⁸ Убивая тотемное животное, люди приобщались к его силе и могуществу. То же произойдет и с Христом, когда к нему начнут приобщаться только после казни. Наверное, убивать своих богов - в крови у людей.

²⁹ В отличие от традиций натурфилософии.

и должны решаться. Для этого незначительно удваиваться бытию. В культуре естество присутствует в преображенном виде. Организм человеческий и общественный имеет природу своими корнями, на которых вырастает совсем другое образование. Это хорошо изображено в мифах на модели мирового дерева. И как сущностью человека является его душа, так и сущностью общества - его сознание.

Через этноним проявляется самосознание общества. Первобытный коллектив осознал уникальность и полноту своей жизни, выраженных в тотемизме³⁰. На тотем переносится не только вся целостность общества (осознание), но он оказывается также и самим сознанием, его действительностью, поскольку это не только природный объект, но и слово. Это уже прецедент нового направления развития идеального, иной его фазы. Генерирование идеальных образов в замкнутом пространстве общины создает этнический генофонд, который служит основой дальнейшего развития этноса³¹. Прекращение поступления новых идей из коллективной памяти свидетельствует о нарушении этнических процессов, утрате сознания, потере плодов творческого напряжения. Разрушительным тенденциям противостоит активизации этногенетических механизмов, заканчивающаяся возникновением новых форм этноса. Вся история цивилизаций, несмотря на их интегрирующий характер, этнически окрашена. Этим своим качеством она обязана мифологическому периоду культуры.

Этнос представляет собой внутреннюю лабораторию мифа. В границах общины осуществляется новое наращивание идеального, противоположное тому, что было до этого. Дообщественное творчество с огромным трудом сохраняло свои плоды. Оно было не организованным. Часто результаты постоянного творческого напряжения влекли за собой вражду, рознь, а не мир. Первые движения идеального, скорее, являлись сотворением. Там совершалась задача создания особой среды, цельной и замкнутой. Творчество не наращивало плоти культуры, но старалось обрамлять ее. Универсальные элементы культуры носили знаковый и сторожевой характер. Отсюда то огромное значение, которое они тогда имели³². В этой арматуре культуры находилось само идеальное, которое никак не могло сомкнуться из-за очерченности их границ. Даже визуальный круг - высшее достижение неандертальцев - не достиг желаемо-

---

³⁰ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 244-273.

³¹ К. Юнг, например, называет это архетипом, Э. Дюргейм - коллективным сознанием и т.д.

³² С этим связано определенное недоразумение говорить об орудиях человеческой деятельности как о раннем, а значит, и основном, детерминирующем все остальные, элементе культуры. Истоки культуры кроются в идеальном и соотносятся с его развитием.

го. Наследование создаваемого пространства накладывалось друг на друга, вызывая разрушения и противоречивость. Изобретение языка создало такие границы культуры, в которых она стала самодостаточной и могла развиваться без внутренних трудностей и препятствий. Замыкание общества произошло в словесном круге, незримом, но абсолютно оберегающем жизнь. Прочные табу позволили идеальному впервые за все время становления заняться самим собой. В мифе происходит творческое приращение культуры. Дискурсия неандертальцев в сознании ослабевает. Она не играет в мифе доминирующей роли в попытке обобщить. Мышление, скорее, является резонансом творчества, использованием его открытий. Это своего рода эманация нового образа, сопряжение его с существующими, налаживание связей и отношений. Но эти отношения между идеальными знаками формируются произвольно: то соединяются в отдельные звенья, то рекомбинируются. Рациональное ничего не добивается. Оно не имеет авторства и выглядит как домоуправ в хозяйстве сознания. Нельзя сказать, что миф полностью чужд мышлению, что для первобытных логика вещей была незаметна. Она не занимала там господствующего положения. Рациональная сфера еще не выделилась из сознания, поскольку в нем не существовало внутреннего отчуждения. Миф идет совсем другим путем. Можно даже сказать, что у него нет пути, как это понимает цивилизация. Мифология циклична и повторяема. Она не открыта вовне. Ее свобода чисто внутренняя, и поэтому ей нечего бояться. Первобытное сознание хорошо защищено и скомпоновано, и все, что происходит в мифе, результат его вольности. Миф не боится что-либо потерять. Он наслаждается присутствием в абсолюте. Все, что существует, существует в мифе с момента прецедента. Абсолютное не может дробиться, его части не автономны, а лишь проявление полного присутствия целого³³. Первобытное сознание терпимо к противоречиям, они не могут его разрушить. Его главный принцип – все во всем. Отсюда и оборотничество в мифах, и скрадывание расстояний, преодоление естественных границ, переход от жизни к смерти и обратно. В мифе нет ничего, что бы пришло к нему извне. Это какое-то переливание одного и того же, игра жизненных сил. Движение первобытного сознания похоже на море: волны накатывают одна на другую, а оно остается прежним. Каждый гребень воды свидетельствует о неисчерпаемых возможностях стихии³⁴.

---

³³ Это так называемый принцип партиципации в мифах, хорошо разработанный в теории Л. Леви-Брюля. См.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

³⁴ См. интерпретацию мифа К. Леви-Стросом как многочисленный набор кодов одного и того же отношения, смягчение его открытого противоречия путем логики брикол-

В мифе нет выпрямленности цивилизации. В нем царит творческий беспорядок. Он не озабочен поиском истины, т.к. она еще не утеряна. Первобытность дышит свободно и легко³⁵. Она - сама истина. Культура играется, беспечно повторяет саму себя, с удовольствием отдается в плен игу абсолютного³⁶. Но такая подвижность не означает хаос, т.к. строго соблюдаются пограничные правила игры; табу - самый строгий судья. От него не скроешься, он вездесущ, так же как слово и идеал. Нарушивший правила игры выбывает из творчества. Нарушитель оказывается с той стороны границ, вне жизни, а значит - "не наш". Первобытный закон не наказывает, а исключает.

Культура в мифе расширяла свое бытие. На периферии знаков чувствовалась потребность создания новых образов. Миф старался больше не запоминать, а творить³⁷. У него не было средств для фиксации - ни логического аппарата, ни письменных знаков, за исключением живых предметов реальности. Воспользовавшись языком, первобытность говорила. Коллектив напрямую общался друг с другом, у него была такая возможность. Миф не забывал потому, что из него ничто не уходило. Все было одним и тем же. Педагогика носила характер не наглядно-подражательный, а языковой. Первобытное хозяйство консервировалось речью, благодаря ей же и развивалось. Дом, орудия, утварь могли бесконечно варьироваться. Они изменялись под воздействием ситуации. Смелость совершенствования объяснялась гарантией сохранения принципов. Техническая модификация соответствовала творческой направленности в мифе. Разнообразие инвентаря и предметов быта схоже с мифологическим дублированием и стремлением к замкнутости. Изменяясь, элементы культуры сохраняют себя. Изменение себя есть верный путь к себе. Эти мысли подтверждали разнообразие общих типов технического инвентаря первобытности. Каждая вещь совершает свой мифологический оборот, она втянута в жизнь, у нее есть свое слово. Раннее хозяйство культуры этнически окрашено. Быт не отделен от идей, у них общее бытие. Абсолютное - это не то, что совсем не движется. Оно требует определенной динамики. Здесь нет эманации. Это

лажа. См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985; Он же. Первобытное мышление. М., 1994.

³⁵ См. этимологию слова "истина", представленную П. Флоренским в работе "Столп и утверждение истины" во втором письме, где среди прочих значений этого слова встречаются такие, как естество и дыхание.

³⁶ Об игровом источнике культуры см.: Хейзинга Й. Человек играющий. М., 1992.

³⁷ Так устроена культура. Для ее сохранения требуется постоянное творческое напряжение сил. При этом плоды ее творения должны постоянно возвращаться к источнику. Пустое запоминание - знание, говорит о дряхлости культуры, так же как и разбалансированность результатов творчества.

полное движение себя и в себе. Абсолютное не признает чужого. Такое же отношение было и к промышленности первобытности: появление нового не должно привести к самоуничтожению, к подрыву основ бытия. Поэтому реформация орудий деятельности не могла вызвать кризис общества. Причина тому кроется в сознании и общих тенденциях ранней культуры.

Экономическая сфера жизни общества не была самостоятельной. Она оставалась частью общемифологической конструкции. Действие не было чем-то безмолвным, разрушительным. Движение в первобытности не носило характера черты. Оно обязательно обозначалось словесно. Разрушение целостности слова и дела произойдет в цивилизации. В мифологии действие и жест побеждены сознанием. Они являются необходимым условием жизни общества, но именно условием, т.е. словесно связанными. Культ не обособился тогда в отдельную экономическую сферу.

Культ представляет собой сакральную область действий. Это не инертные действия естества, а круговая, замкнутая активность общества. Здесь проявляется не работа инстинктов. Деятельность человека в мифе опосредована языком. Практика замкнута в круг, как и все в этом мифологическом мире. В хозяйстве первобытности нет ничего прогрессирующего. Материальное созидание представляет собой дублирование языка своеобразными методами. Неандертальцы, эти титаны культуры, не знали хозяйства в полной мере. Их хозяйственная деятельность началась не с охоты, а с захоронений, медицины, рисунка, словом - с попытки замкнуть жизнь жестом. Первая культовая практика была неудачной, жизнь уходила из жестового круга. В мифе же любое хозяйственное отношение к окружающему представляет собой фрагмент всеобщего повторения. В мифе экономика и экология не расходились. Неандерталец не мог укрыться в доме, очертя рядом с ним круг. Все равно оставалось внешнее враждебное окружение. Первобытность победила отчужденность. Внешнее и внутреннее слилось в один большой общий дом. Управление этим домом и есть сакральная культовая практика, дублирующая путь хозяйства. Деятельность человека в окружающей среде была не приспособительной. Творчество вообще не знает приспособления. Миф преображал природу, придавая ей новые смыслы и имена. Общество на этой стадии не являлось беспомощным. Напротив, оно обладало огромной творческой силой. Не существовало проблемы, которая бы не решалась. Миф победил отчужденность, справился со смертью, вернув ее в жизнь. В мире нет ухода, существует лишь бесконечное возвращение. Умершие есть часть жизни и сама жизнь, душа. Они никуда не исчезают из коллектива, а остаются в нем в другой фор-

ме. Миф справился и с проблемой родства, создав семью, род, общину и диалог. Наконец, миф произвел такие границы, которые исключают чувство пограничности и все приближающееся к ним отбрасывают к центру жизни. Сознание первобытности мыслило само себя. Это был период своеобразной уверенности и зазнайства человека. Общество не знало еще князя мира сего, что все зримое тленно и будет отнято.

Первобытное состояние культуры отличалось предельной простотой. Отсутствовала сложность как поиск общей основы разрозненного, слагаемого. Миф - это открытая интуиция, бесконечный источник гениальности. В первобытности возникли гены человеческого сознания. Что бы ни сказали люди цивилизации, они говорят одно и то же, включенное в разные философские, эстетические, религиозные, научные системы³⁸. В мифологии отсутствует эта разорванность на системы. Истина является вся и во всем. Творчество здесь - не повторение сказанного, не утомление, а процесс бесконечного говорения, ибо только так продолжается сама жизнь, которая разнообразясь, тем не менее, остается сама собой.

Продукция идеального в первобытном сознании не вырабатывает какую-то новую форму бытия, а оказывается средством удержания жизни в обществе. Культура воссоздается постоянным усилием, усталость - признак разрушения целостности. В мифе не существует усталости и нет труда. Это не значит, что все делается легко, но отсутствует противоположное, с чем можно было бы сравнить и почувствовать отличие. Знаковая деятельность в мифе отличалась тем же характером единства. Законченность идеальных знаков в сознании делала отличие моментом тождества. Миф генерировал все новые и новые образы. Воплощаясь в результатах человеческой деятельности, они становились символами. Первобытное сознание насквозь символично. В нем отсутствует формальная знаковость, связанная условными причинно-следственными связями взятой отдельно области действительности. Целеполагание не имеет здесь характера линейного развития. Цель не ставит человека один на один с миром, а неразрывно скрепляет его с обществом.

Миф не знает личности, творчество в нем коллективное. Ошибочным было бы считать, что к созданию новых идеальных образов подталкивал внешний мир, природа. Природа уже не была внешней; она стала приобщенным естеством. Даже формирующийся человек не относился к миру непосредственно. Первым его языком стали орудия деятельности. Но выводить отсюда всю область идеального значило

---

³⁸ Интересна может быть параллель с Платоном, у которого теория познания выглядит как припоминание.

связывать с физиологией человека мир его идей, фантазий, иллюзий. С ранних шагов культура не отталкивалась от природы, пользовалась ее материнским покровительством. Культура никогда не приспособлялась к данности. Развиваясь, она стремилась к самоидентичности. Ее кризисы этого времени были связаны с внутренними трудностями. Сформировавшееся общество не отбросило естество, а взяло его к себе. Внешние факторы в мифе не служили источником творчества, таковых просто не существовало. Внешнее прорывается в культуру, когда в ней появляются внутренние проблемы, связанные с отчуждением. Мифотворчество не приспособлялось к природе, оно придавало ей новый смысл и жизнь. Миф не познает мир. Познание предусматривает в качестве предварительного условия определенную дистанцию между познающим и познаваемым; даже не столько дихотомию, а принципиальную несовместимость того и другого.

Язык, участвующий в познании, формализован, он не проникает в обозначаемое, но указывает на него с большей или меньшей степенью адекватности. В познании все начинается с языка, в категории которого действительность должна входить интересующей стороной. Заблуждение проявляется в ухудшении самочувствия культуры. Ложь стараются скрыть за новыми когнитивными приемами; появляются новые категории, термины, понятия, концепции, теории. В них скрыты мифологемы, т.е. частички истинной жизни, в погоне за которой наука сбивает себе все ноги. Из этих фрагментов дух никак не складывается. Болезнь языка дает о себе знать во всем. Продвигаясь вперед, гносеология создает себе еще больше проблем, чем их было до начала познания. Знаки, лишенные целостности, выполняют лишь свою исконную функцию отличия, т.е. разобщения. Естество при этом уходит все дальше и дальше. Выстроенный на познании мир цивилизации сам окажется источником экологических и хозяйственных катастроф. Знаки, вырвавшиеся из мифа, порождают разрозненную среду. Ослабленное притяжение между ними делает цивилизованное человечество бледным призраком мифологического единства.

Познание - это прощание с детством культуры. В мифе нет познания. Первобытное сознание понимает, т.е. впитывает в себя, тем самым расширяясь и прирастая³⁹. Понимание не ставит преграды, оно, напротив, ее нейтрализует. Понимание основывается на имени, на самодостаточном организованном начале, каким в первобытности служит община. Верный признак этому - тотем, имя этноса или рода. Только имеющий в себе самоорганизацию жизни может обладать именем, сим-

---

³⁹ См.: Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

волом мифологической жизненности. Миф, имя, понимание - близки друг другу. Понимание впитывает в себя все разрозненное. Знаки-термины способствуют общему процессу, во всем подчиняясь речи. Они верные слуги целого, лишённые какого бы то ни было сепаратизма. Имя все больше и больше вбирало в себя мир, расширяя свое имение. Предела при этом не существовало. Все есть имя, имя есть все. Границы - табу отбрасывали, и все начиналось сначала. Понимание делалось бесконечным прирастанием. В нем все родное, связанное с родом. Понимание, в отличие от познания с его знаковой динамикой, движется по символам. Понимание первобытным сознанием природы является смирением знаковой розни. Она становится своей, родной. Животный мир и природные объекты также могут говорить, как и люди, их язык схож с человеческим. Понимание мифа заканчивается полным исключением естества. В нем все сверхъестественно. Весь космос объединен общей тайной жизни. Чтобы провести такую работу, требовалась особая интенсивность творчества, чему способствовала стесненность сознания. Идеальные образы часто сталкивались друг с другом, генерируя мифологию. Миф неутомимо работал. Силу ему придавало стремление побеждать дифференцированный характер знаков, выставляемых на пути своего распространения. Так происходило до тех пор, пока различие не победило целостность, т.е. произошла знаковая революция, и в доме культуры народы свергли тотем, превратив его в жертву⁴⁰.

Сама знаковость в мифе имела специфику. Первобытный ум умел отличать многие предметы и явления реальности, знал свойства трав, повадки животных, навыки многих видов деятельности. Но умение разделять не превалировало над умением связывать. Рациональность того времени рядилась в специфические одежды. Она была речью, общепонятным. В раннем мифе не требовалось специального вхождения в рациональное, выраженное позднее в существовании охотничьих, мужских и других союзов племени со спецификой языка и своими тайнами, подрывающими племенное единство. Но и на закате мифологии различие существовало как внутриэтническое, как момент общего, правда, максимально перегруженного усложнениями. Разум еще не успел отпасть от идеального целого. В нем еще была жизнь. Тотальная разделенность не победила. Это в изменившемся сознании цивилизации в рациональном останутся лишь суррогаты жизни, где на формализации будут строиться бюрократические системы государства, символа окончательной утраты культурного единства. В цивилизации культура - раба

---

⁴⁰ Об эволюции в отношении к тотему см., например: Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972.

знаковости. Первым проявлением падения служит автономизация рас-
судочной деятельности, а завершением - формальная логика.

Человек первобытности был, скорее, не разумным, а сознательным. В нем не существовало разорванности, присущей современному человеку. Знания не отделялись от действий, а действия не выделились в самостоятельную хозяйственную сферу. Не было и признаков абстракции. В первобытности теория и практика неразлучны. Знание мифа не успевало обособляться в самостоятельные отрасли. Это достигалось за счет постоянной встряски знаковых рубежей. Термины, сопровождавшие движение первобытной мысли, постоянно менялись, и тем лишались возможности волюнтаризма. Как идеальные образы, так и их отношения требуют границ. Благодаря стесненности духа, мысль движется очень быстро. По этой причине происходит постоянная встряска границ. Они не успевают затвердеть. Миф строится на этой вакханалии границ. Он боится неандертальской черты разграничения. Миф пугается этой чертовщины. Его границы - это границы слов, имен, терминов, понятий. Звуковые символы постоянно переходят друг в друга, совершая известный круговорот идей в мифе. Цикличность помогает жизни пробираться во все уголки общества в равной степени, пользуясь при этом знаками, как щупальцами. Молодость культурного организма благоприятствовала постоянному обмену идей. Цивилизация - взросление культуры. Вместе с этим появляются и болезни: паралич отдельных участков тела, чувство скорой кончины и интенсивный поиск эликсира вечной молодости. Одними и теми же знаками миф может пользоваться для движения в разных направлениях, его символы полисемантичны.

Миф - это действительность сознания. Идеальное создало для себя особую среду, культуру, наиболее благоприятную для своего развития. Сформировавшееся тело культуры - общество - обязано своим существованием открытию языка. Первобытность представляет собой языковую восторженность, своеобразную игру слов. Речь была универсальным мифологическим посредником. Каждый предмет, попавший в поле видимости, получал свое слово, тем самым лишаясь самостоятельности. Благодаря этому внешний объект теряет внутреннее, строго очерченные границы и включается в динамику мифа. Теперь он уже не то, что попало на глаза, предмет, отчужденный от жизни, а вещь. Ее возможности так же беспредельны, как и слова. Она может выступать посредником общения - вещать. Это уже не какая-то самостоятельная часть, а обличье абсолютного. Вещное, вечное - то, что принадлежит всему этносу и служит его атрибутом. Слово и предмет совпадают. Эволюция тел стягивается хранящимися внутри них идеальными образами. Типология инвентаря, наметившаяся еще у неандер-

тальцев, усилилась. Модификация предмета есть одна и та же вещь. В ней заключена жизнь. Словесное обозначение предмета в мифе является не чем иным, как именем⁴¹. Имена - это и термины, охраняющие внутренние и внешние границы культуры, и понятия, смиряющие разногласия знаков. Никакой другой, кроме имени, языковой формы миф не знает. Слово содержательно. За ним обязательно что-либо следует. Следствие может быть каким угодно, так как слово насыщено жизнью во всех ее проявлениях. По своей природе имя полисеманлично. В конце мифологической эпохи происходит иерархия имен, они занимают более высокие или низкие ранги, что в конечном итоге приводит к застыванию и формализации языка. Пока же мир есть бесконечная комбинация слов. С их помощью миф классифицирует свой мир. Он разделяет и соединяет, умножает и делит. Его гениальность проявляется в том, что деление не имеет видимых плодов и результатов. Для цивилизации же дихотомия оказалась камнем преткновения. Эту задачу она никак не может решить. В первобытном сознании слово не связано с каким-либо застывшим значением. Это оно приводит в движение культуру, заставляет постоянно варьироваться и изменяться предметы. Язык - источник нескончаемого творчества, творчества коллективного, так как люди имеют возможность непосредственного общения. Слово не имеет детализированной функции, что порождает богатую синонимичность и современного языка. Поэтому в мифологическом сознании невозможно защититься от всех последствий его произношения. Артикуляция звуков призывает всю жизненную энергию мира, и единственным средством избежать нежелательных событий является умолчание - табу слов. С другой стороны, уместное употребление имени создавало требуемую действительность. Язык говорит сам за себя, создает сам себя. Всеобщая вербализация поглотила первобытное сознание. Общество постепенно приобретало вкус к речи. Оно говорило, создавало собственное родство и уникальность. Язык ассимилировал внешнюю среду. Слово приобрело внутреннее и внешнее значение. Внутренний смысл его темен. Оно иррационально, относительно к целостному проявлению жизни. Внешне - слово рационально и входит в систему других знаков, которые миф постоянно встряхивает творческим становлением. Абсолютная свобода слова наращивает плоть культуры. Диалектика языковых запретов придает направленность сознанию.

Такая словесная насыщенность первобытной культуры, такая ответственность языка порождает особую форму связи с жизнью - язычество.

---

⁴¹ См. работы Лосева А.Ф.: *Философия имени; Вещь и имя; Диалектика мифа; Знак. Символ. Миф.*

Язычество - это религия первобытности. Бог - начало и источник жизни, присутствует в культуре, и связь с ним особая. Это не отношение между разнящимися, а скорее, совпадение, неразделенное единство. Природа, община, язык - все это и есть боги первобытности. Космос оживотворен. В ранней мифе нет каких-либо сакральных центров. Пространство одухотворено в равной степени. Полное присутствие в боге дарит всю силу каждой вещи. При помощи ее можно вызывать энергию жизни, сберегать тайну рода, защититься от опасностей. Фетишизм делает предмет объектом почитания. Именно в нем, как в первобытной книге, запечатлены знаки истины. Фетиш не только хранитель жизни, но и соучастник творчества. У него есть свое словесное обозначение, которое срастается с телом. Амулеты, чуринги, идола сопричастны переливу стихии космоса. Они символы-хранители границ на разных участках жизни. Фетиш - это зримое воплощение идей. В ранней мифологии каждый предмет был фетиширован. В дальнейшем, с разрастанием культуры и ее структурированием, часть предметов, относящихся ближе к сакральному центру, приобретала схожий характер, остальные профанировались. Но сама идея о сращивании слова, предмета и действия с целостностью жизни пронизывает всю первобытность и переходит в наследие цивилизации. В последней, в силу ее природы, поклонение материальным объектам чаще принимает разрозненный характер, выражающийся в собственности отдельного лица, который тем самым пытается узурпировать общественную жизнь. В мифе в таком виде собственности не существовало; о ней в первобытности из-за отсутствия обособления говорить не приходится.

Фетиш может вызывать не только желаемые результаты, но и отрицательные. На него распространяется, как и на имена, табу. Существуют запретные предметы, которые в том или ином виде деятельности не желательны⁴². Не только на фетиши распространяется табу, но и они сами несут эту функцию по отношению к другому. Сильные отпугивающие действия оказывали в первобытности черта и круг. Чтобы справиться с противодействием предметов, их следовало вовлечь в общую динамику жизни, где эти границы то появляются, то исчезают, а для этого существует язык, т.е. их можно заговорить. Самое великое чудо мифа было панацеей. Хозяйство цивилизации - отпавшие от целостности жизни фетиши, представляет собой уродливое явление, отрицательно влияющее на жизнь общества. Противодействием этому служит пересмотр концепции социального развития в сторону большей сбалансированности всех сфер его жизни.

---

⁴² О табу на предметы см., например: Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1980. С. 254-276.

Религия мифа отличается своей непосредственностью. Отношение к богам самое домашнее. Общество, природа и духи живут общей жизнью. Все, что присутствует в культуре, имеет душу, а любая душа воплощается в том или ином теле, совпадающем со звуковым словесным символом. Анимизм первобытности свидетельствует о том, что боги еще не изолировались, они плоть культуры⁴³. Поэтому их можно встретить на дорогах, как Гермеса, или в диких зарослях, как Артемиду. Они говорят на таком же языке, и сами являются языком. Язычество пронизывает весь космос. Политеизм указывает на то, что между богами не существует строгой функциональной разграниченности. Их возможности часто совпадают, а действия каждого из них могут быть противоречивыми. Но миф спокоен к противоречиям. Иерархия высших существ демонстрирует начало распада мифологии. Множество богов не говорит о их самобытности. Самобытен только миф, он не терпит множественности. Политеизм основывается на обезличивании богов, на связи их с общей стихией жизни. Боги - это имена, символизирующие всеобщую проникаемость культуры. Оборотничество в мифах подтверждает этот принцип. Духи превращаются в тела, животных и даже людей. Души умерших также не покидают мир социума и продолжают участвовать в коллективной жизни⁴⁴. Душе просто некуда выйти из пространства культуры⁴⁵. Она так и преследует людей то с добрыми, то с дурными намерениями, а иногда она переселяется в тело родившегося ребенка. Но душа не мучается в теле, она может свободно выйти из него и вернуться обратно, как это происходит во время сна⁴⁶. Идея преображает предмет, разрушает его видимые, застывшие границы и заставляет включаться в общий круговорот событий. Присутствие души - благо для тела⁴⁷. Это неперемное условие его пребывания в культуре. Первобытность не знает смерти как состояния небытия. Миф одержал тотальную победу над смертью⁴⁸. Предметы, в которых находится душа, не замкнуты видимыми границами. Они постоянно превращаются, т.е. встряхивают свою знаковую, присоединяясь к нескончаемой стихии

---

⁴³ Об анимизме в первобытной мифологии очень подробно писал Э. Тэйлор. См.: Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1989.

⁴⁴ Культ предков - один из самых распространенных в мифологии.

⁴⁵ В древнеиндийской философии, испытывающей сильное мифологическое влияние, широко распространено учение о путешествии и переселении душ.

⁴⁶ С представлениями о возвращении души в тело после смерти была связана мумификация у древних египтян.

⁴⁷ Ср. сказочный мотив о "мертвых городах", где много всяких предметов, тел, вещей, но отсутствует начало, придающее им единство - жизнь.

⁴⁸ В ранней мифологии не было представления об Аиде или еще какой-нибудь области мертвых, отделенной от остального мира.

жизни. Так и каждый человек общины не брал на себя ответственность перед жизнью, а разделял участь всего коллектива.

Отсутствие барьера между этносом и природой в первобытности позволяло относиться к сверхъестественному по-домашнему. В обращении к богам нет того духовного напряжения, которое будет свойственно, например, христианству. Единые принципы общества и космоса дают основание активного поведения человека в культуре. Он не только созерцает или находится в страдательном положении по отношению к совершаемому круговороту событий, но и является активным их участником. Род не испытывает чувства неполноценности, а осознает находящуюся в нем, как и повсюду, силу и полную возможность соучастия с ней. Он не обращается к богам с молитвой, даже не просит их, а, скорее, требует или совершает действия, неминуемо приводящие к нужным результатам. Из этого исходит магия первобытности. Человек манипулирует предметами и заточенными в них идеями, разбивая неудачные для него сочетания знаков, или рекомбинирует их в нужном направлении. Магическими действиями замедляющийся было миф приводится в новое движение, подталкивается. Боги заклинаются. Это значит, что человек вклинивается в знаковый механизм мифа, создавая в нем новую знаковую ситуацию, новые границы, ориентирующие творчество культуры. В случае недостижения поставленной цели человек может наказать истукана, идола или какой-либо иной фетиш, символизирующий сверхъестественное. В этом нет никакого святотатства, ведь когда и у людей что-то не получается, это воспринимается как естественные последствия движения самой жизни, знаковые препятствия которой были положены их неудачными действиями. Коллектив спасает постоянное движение мифа. Жаждой новизны объясняются жертвоприношения первобытности. Жертва есть толчок мифу, жернову жизни, перемалывающему все границы, знаки, пределы, что поглощает и производит все, оставаясь незримой силой движения. Ритуальные заклинания людей и животных для первобытных не являются убийством, потому что этим ничто не заканчивается, а, наоборот, только лишь начинается, тело раскрепощается и превращается в свое идеальное состояние. С богами делятся тем, что поглощают сами люди, т.к. это неременное условие сохранения космических процессов. Ведь в определенном смысле общество и космос равны, и жертвоприношения реализуют обязанности человека по поддержанию существующего порядка вещей.

Порядок в мифологии условный. Творчество чуждо застывшей логике знания. Но тем не менее, знание может направлять и подталкивать творческие процессы. Порядок первобытности обрядовый. Словами и

действиями событие направляется в должное русло. Его семантика увеличивается. Оно приобретает характер сопричастности с целым или направленности к ядру мифа в поздней мифологии. Обрядность - это лишение происходящего его самостоятельности, перемалывание границ и новое обозначение. Тотемизм, фетишизм, анимизм, магия, оборотничество, заклинания, заговоры, жертвоприношение, обрядность - неотъемлемые атрибуты мифа.

Сознание возникло как противодействие, антитеза разрушающей силе жеста. Поэтому само действие первично по отношению к мифу. Но в мифологии невозможно расчленить культ и язык. Здесь проблема первичности вообще не может быть поставлена. Она возникает, но однозначно не решается в расчлененной культуре. В мифологии, по крайней мере ранней, не существует иерархии знаков и ценностей. Это абсолютная свобода, полное совпадение с целостностью жизни.

Многообразие языков первобытности порождает множество языческих систем. На границах этносов, охраняемых богами, ощущается большое напряжение, нередко приводящее к конфликту. Духи и люди борются друг с другом. Но между богами мифологии больше сходства, чем между богами мировых религий. В язычестве они легко заимствуются без разрушения общинного сознания. Эти боги были богами природных объектов, неотчужденной культуры, сохраняющей все плоды творчества. Поэтому мифология больше заинтересована рождением, чем смертью. Ее боги - это боги полей, лесов, рек, но не неба. В поздней мифологии и религиях цивилизации источник жизни будет постепенно перемещаться на небеса и, в конце концов, окажется трансцендентальным. В тех условиях возникнет проблема жизненного пути в культуре и исчезновения из нее. А пока, в момент своего детства, культура больше интересовалась возникновением. Рождалось все то, что имело отношения к роду, производящим началом которого была женщина. Матриархат не означал почитание женщины как женщины. Это преклонение перед безликим единящим началом рода, культ роженицы, атрибут инцеста и других запретов общины⁴⁹. Родиться - значит стать причастным, феноменально родным. На рождение смотрят как на факт постоянного воспроизводства жизни. В этом не видят собственного начала, предпосылку трагичности земного пути. Мифологическая культура матриархальна. Здесь происходит процесс бесконечного рождения. В умножении рода участвуют и боги⁵⁰. В первобытности нет уважения к женщине с ее положением в обществе, тревогами и заботами, потому

⁴⁹ Широкое, повсеместное, распространение в археологических культурах родового строя женских статуэток, являющихся предметами особого почитания.

⁵⁰ Известный мифологический сюжет о рождении от земной женщины и бога.

что еще не сформировалось личностное психологическое женское начало. Это возведение в абсолют одной из ее функций. Женское начало максимально мифологично, оно соединено с целостностью жизни и через нее проявляется. Даже в цивилизации рациональные ее качества считаются не главными и причудливо переплетаются с сохраняющимися мифологемами сознания. Женщина города становится женщиной в том образе, какой ее воспевают поэты. Здесь ее окружает ореол таинственности и красоты, т.е. того, что непосредственно не связано с детородной функцией, и даже наоборот, что вдохновляет мужчину на созидание; теперь он главная производящая сила, и все, что ни появляется, появляется от него. Женщина цивилизации получает роскошные одежды и духи, а вместе с тем стоимостное выражение. Односторонность женственности там лишает ее целостности хранительницы домашнего очага. Дав ей возможность думать, мужчина эгоистично воспользовался прелестью ее ума, красотой и силой воли. В городе женщина потеряла символ непосредственного бытия, соединяющее родовое начало, почти равное мифу, сознанию, культуре и жизни. Мужчина первобытности относится к роду потому, что он произошел от женщины. Это ее реформация, другой знак. Он мужчина, поскольку есть женщина. Он ее продолжение. В городе мужчина взял реванш у женщины, отняв то, что она имела. Родить - значит выполнить его волю, распространяющуюся и на право решать вопрос о жизни младенца, как это было у древних греков. Оттесненные на периферию жизни женщины и в цивилизации сохранили мифологему своего прошлого, с которой не удалось справиться деструктивно мыслящему мужчине, множащему мир вещей и людей, подчинившему все своей воле политикой, законами и наукой. С мифологемой рода не справилось и подстрекаемое сильным полом распутство. Заряженная силой любви, женщина берет самые неприступные крепости мужского эгоизма и сомнения. При умелом ведении дела женщиной мужчина может всегда оказаться в ее руках. Но в силу трудно преодолимых границ цивилизации, он будет символизировать ее возможности и пределы общения, тогда как в матриархате мужчина означал бесконечные жизненные возможности рода и беспредельность его пространства. Поэтому женщина эпохи равенства прав, хотя бы формального, так тщательно выбирает себе спутника жизни, видя в нем одновременно и свою силу (силу границ цивилизации), и свою слабость (слабость границ цивилизации по сравнению с единством мифа).

Язычество больше поклонялось земле, чем небу. Здесь жила община - эта явленная культура. Коллектив был благодатной почвой для бесконечного произрастания мифа. Собственно семенем культуры являлся

род, но он оказывался несамодостаточным и нуждался в другой половине. (С увеличением населения внутри общины будет выделяться и большее количество родовых организаций, но раннее первобытное племя было дуально-родовым). Два начала в обществе сливались воедино. Таким образом, миф стал одновременно и двуродным, и однородным. Половинки не превратились в пол. В результате безграничного общения двух начал осуществлялся процесс бесконечного творчества⁵¹. Внутренне замкнутая инцестом и открытая для бесконечного становления вовне семья сделалась не только условием творчества, но и его результатом. Семья в первобытности одновременно оказывалась и частью общества, и его целым. Она была не средством приспособления к миру, а силой, его создающей. Нескончаемый диалог мифа создает прецедент неполового творчества. Цивилизация, столкнувшись с проблемой необходимости создания нового жизненного пространства, не смогла его повторить и переложила всю тяжесть рождения с плеч рода на личность. Сам он превратился из творческого начала в консервативный, сберегающий плоды духовного напряжения одиночек. Гений цивилизации перешел к личности, оставив ее один на один с открытым пространством жизни, в котором она должна найти первоначало, сродниться с ним и вернуть движение. За это человеку была подарена любовь и вера. Семья из гения культуры в цивилизации превратится в форму ее констатации. Для ее сохранения понадобятся трансцендентальный Бог, куда переместится источник жизни, и церковь, подобие соборности небес. Город постепенно уничтожит действительность рода, превратив семью в форму социализации в отчужденном пространстве космоса. Творчество - единственное, что человек не может сам у себя отнять, станет и причиной конфликтов в обществе, и путем его спасения.

3. Разрушение мифологии

Ранний миф никак не классифицировал мир. Он боялся определенностей, да и не нуждался в них, поскольку был внутренне целостным. Миф изначально имел двуродовое строение, но каждый род являлся как бы долькой семени и не рассматривался отдельно. Первобытное сознание не знакомо с противоречиями. Ему не приходится выбирать. Двоичность, что потом выразится на его особом языке, признак силы, а не

---

⁵¹ О творчестве и связанной с ним проблеме пола см.: Бердяев Н.А. Смысл творчества.

слабости. Для ранней мифологии весь мир был открыт одинаковым возможностям, и если в каком-то его участке что-то не ладилось, то не от того, что именно здесь источник неудач, а по причине неблагоприятного знакового сочетания, которое можно разбить и сделать прозрачным для проникновения всей полноты жизни. Причину бед тогда человек видел в изоляции отдельных участков космоса, с чем можно было справиться. Двоичность стала в мифологии атрибутом сокровенности и тайны жизни, ее запретов и границ. Обереги первобытности имели вид внутренне симметричного тела⁵². Одновременная двоичность и однородность присуща не только общине, но и всему космосу. Двойка символизировала определенный паритет вселенной, гармоничное распределение сил в культуре.

Троичная маркировка, которая также характерна для мифологии, говорит об уже наметившихся кардинальных изменениях в сознании первобытности. Это свидетельство особой концентрации в отдельном центре жизненных сил и возможностей, признак начала противостояния единого многому. Энергия культуры постепенно аккумулируется обществом, тем самым отделяя от себя прежнее родство с природой, за которой остаются прежние возможности духа. Но выделение особого сакрального центра говорит о робких попытках структуризации мира пока еще на две области: центр - место особого напряжения жизни, ее постоянного зарождения и активизации, где сосредоточены главные боги культуры, и периферия - куда распространяются движения культуры. Пока еще нет открытой враждебности двух этих полюсов жизни, но происходит заметное перераспределение духовных сил. Если двойка в мифах больше связана с генезисом, прецедентом, то тройка - с юностью жизни, ощущением прилива энергии и новых творческих возможностей. Нечетное в мифологических текстах, а затем в сказках, больше связано с положительным началом, сверхвозможностями, выделением из общего ряда событий.

Если троичность в противоположность своему прошлому, сродному началу, стала признаком особого единства и бодрости духа, то семеричная классификация - продукт зрелого мифа. Семерка выразила прошлое, настоящее и будущее сознания в виде мирового дерева⁵³. Это

---

⁵² К отголоскам первобытности относится использование подковы в качестве оберега от проникновения враждебных сил через дверь, украшение окон домов симметричной резьбой. К дуалистической мифологии примыкает широко распространенный у многих народов культ близнецов. См.: Иванов В.В. Близнецы мифы // Мифы народов мира. Т. I.

⁵³ Тройка по условной вертикальной оси мира: верх - сакральный центр, где живет человек - низ; и разбивка горизонтальной плоскости парами оппозиций на оси: север-юг, восток-запад.

универсальная модель мира, зафиксированная у всех народов земли⁵⁴. Мифология здесь получает определенную костную систему, ей задается более или менее стандартный вектор движения. Сознание этого времени верно зафиксировало в памяти основные этапы своего развития, но подчинив их новому смыслу. У корней древа мира покоится змея. Это память о том, что именно данный символ универсальности послужил основой глубоких преобразований культуры, приведших к возникновению общества и сознания. Прошлое культуры видится как вырастающее. Почва естества здесь не так важна. Главное, что есть связь и одновременно разделение с предшествующим докультурным состоянием. Определив в корнях мирового дерева змею - своеобразный оберег, миф дальше не интересуется естеством, потому что не может туда проникнуть. Все остальные события, связанные с этой моделью, происходят в культуре. Корни и крона дерева намечают направления движения жизни. Правда, в семеричной классификации центр еще не переместился на небо, его не отпускает туда сам человек, находящийся у основания дерева и символизирующий сакральный центр мира. Все, что находится в пространстве мирового дерева, несмотря на определенную автономию, вращается вокруг него, все служит человеку. Даже языческие боги, родственные ему по силам, в сакральном центре могут менять свой характер, на них можно повлиять, их можно заговорить, наказать, предотвратить возможные сокрушительные воздействия. Языческие духи могут причинять вред, но он вызван неправильным поведением общества или теперь его центральных фигур. Богов периферии не нужно просить и умолять, в сакральном центре их присутствие разрешит все недоразумения. Все в силах коллектива. Это был период в истории человечества, когда он (человек) чувствовал себя хозяином положения, абсолютно уверенным в своих силах. Люди постмифологического времени заметно потеряли это качество, выразившееся в различных познавательных системах, в категориях судьбы и чуда, истины и заблуждения, в трансцендентальном боге⁵⁵.

Модель мирового дерева - это максимально сбалансированный мифологический взгляд на окружающее. Центром его служит не просто община, но и все примыкающее к ней: животные, хозяйство, природа. Это так называемая горизонтальная ось мифа. Но и здесь происходит разбивка на положительные и отрицательные начала, так же как и на

---

⁵⁴ Этому вопросу посвящена большая литература. См., например: Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Т. I. Здесь дается постановка проблемы, обзор источников и исследований.

⁵⁵ В Новое время отмечается определенный рецидив языческой самоуверенности человека, приведший к тяжелым травмам культуры.

вертикальной оси выделение верха и низа. Космос градуирован своими качествами по отношению к человеку. Происходит извечная борьба двух начал, заканчивающаяся победой доброго и дальнейшим торжеством жизни⁵⁶. Простая стихия жизни, совершенно чуждая какому-либо порядку, постепенно становится человеку враждебной. Он пытается, не изменяя общий принцип постоянного присутствия абсолютного в части и бесконечного творческого становления, направить ее в нужное русло. Эта повторяемость осмысленная. Животные, предметы быта, объекты природы несут в себе семантическое содержание противостояния двух начал жизни. Постепенно за определенными знаками сохраняется постоянное содержание⁵⁷. Их комбинация передает одну и ту же картину мира. Космос рождается не произвольно, не как ему вздумается, а в сопричастности к своему сакральному центру - человеческому коллективу. Миф в соответствии с собственными принципами иногда меняет семантические поля символов в качестве профилактики против окостенения. Один и тот же знак может иметь то положительную, то отрицательную маркировку. Но это встряхивание границ встречается уже не так часто, как в ранней мифологии. Значение символов суживается, хотя в них по-прежнему находятся абсолютные возможности.

Границы мифа постепенно застаиваются, зарождается классификация предметов и объектов природы. Градация космического пространства способствовала активизации человеческой деятельности, отделяя ее сакральную, культовую часть от будничной. В эпоху мирового дерева эти отличия только отмечаются, еще вся деятельность носит религиозный, связующий характер. Но это уже последние напряжения мифа. Вырастающее дерево культуры являет принципиальное единство всей жизни, несмотря на намечающиеся отсеки. Змея - источник всяческого разделения, находится еще у корней, отделяя тайну культуры от тайны небытия. В Эдемском саду мы встретим ее на самом древе жизни, а плод его, символизирующий победу двоичного начала над разделением, станет причиной возвращения докультурного хаоса и первобытной стихии.

Эта модель зрелого мифа универсальна. Она не приурочена к какой-либо определенной среде, а переносится вместе с племенем на другую территорию и там разбивает пространство в соответствии с

---

⁵⁶ Например, основной индо-европейский миф о борьбе Громовержца, Перуна, со Змеем, похитившим у людей скот. Поединок заканчивается победой Перуна и возвращением скота, идет дождь, способствующий плодородию земли.

⁵⁷ Например, птицы - положительное начало; змея - отрицательное; огонь - положительное; вода - отрицательное и т.д.

основными событиями мифа⁵⁸. Это было уникальное состояние культуры, когда мысль и сознание совпадали. Знаки сопровождали не стихию и игру жизненных сил, а однонаправленность, выборку из всех вариантов. Правда, в этих берегах жизненная энергия могла проявиться многообразно. В центре данного универсума находится не личность, даже если это жрец, а община. Она была гарантом складывающегося порядка вещей. Дальнейшая стратификация пространства не станет столь устойчивой, и появляющиеся вслед за семеркой формальные клише будут свидетельствовать о неудачных попытках сохранить единство в начавшемся процессе разложения мифа. Лавина всевозможных разделений охватит культуру и приведет ее к другому состоянию.

К периоду своего максимального расцвета мифология приобрела отчетливую структуру. Определившиеся перегородочки уже мешали свободному творчеству языка. Сердцем культуры стало общество. От него зависит интенсивность круговорота жизненных сил в космосе. Коллектив с прилегающей к нему природой превращается в микрокосм - сгусток вселенной. И по примеру мира, в нем жизнь также структурируется, возникает сакральный центр общества, ответственный за постоянство мифологического движения. Это конкретная часть культуры, хранящая ее максимальные возможности - храм. Здесь концентрируются все элементы культуры: дом, огонь, одежды, инструменты, особый язык, связь с источником жизни - религия, словом, семя культуры. Само общество в этом доме жизни представляет отдельная фигура, лишенная личностных качеств и символизирующая все возможности рода - жрец. Все начинается с него. Он свят, им положен прецедент жизни, он же вынужден его бесконечно повторять. Сюда, в этот храм, приходят боги, здесь они общаются с людьми и функциональный эквивалент общества - жрец - говорит от имени богов. В этом диалоге человек если не главный, то, по крайней мере, равный. Храм язычества вызывает не сакральный трепет перед всемогуществом бога, надеждой и прощением, связанным с ним, а истерию людских сил - единственно возможный способ сохранения мифологического порядка.

Жрец и храм создали центр культуры, превратив все остальное пространство в периферию, по которой циклично распространяется энергия жизни, вызванная магическими действиями коллектива. Теперь требуются специальные медицинские знания для профилактики нормального кровообращения социального организма и работы его сердца. Фигура жреца покрывается тайной. На его плечи ложится ответствен-

---

⁵⁸ На примере балтийского мифологического региона см. об этом путешествии мифа: Топоров В.Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.

ность за судьбу рода. Тем самым значение тотема отходит на второй план. Он превращается в жертвенное животное или предмет. Сама функция жертвенности закрепляется за жрецом. Теперь только он способен поглощать весь мир, его наметившиеся границы, чтобы переиграть устоявшееся, возродить космос, вернуть его в берега. Теперь служитель культа - главный оберег этноса. Ему известна сила запретных слов, заговоров, целебных свойств трав, опыт коллективной деятельности. Он самый активный в обществе и задает ему ритм.

Миф начинает уставать. Язык закрепощается под тяжестью знаков, значений, наметившихся определенностей. Это создает препятствие движению идеального. Речи теперь следует помогать действиями и особым поведением, стимулирующим творческий процесс. В этот миг в культуре впервые ощущаются симптомы разделения языка и действия. Но они еще едины и не противопоставлены друг другу, как это произойдет позднее. Сама по себе жизнь угаснет, если не принять какие-то эффективные меры. Средством возрождения и поддержания жизни в поздней мифологии является праздник. Праздник - это правление жизнью, ее правило; это правда духа, реальное воплощение истины. Во время него происходит забываемое переживание основ бытия культуры. Праздник объединяет, собирает всех вместе и создает возможности для непосредственного общения. Разрастающаяся, как мировое дерево, человеческая деятельность все дальше и дальше уходит от центра. Праздник притягивает профанное, через контакт с сакральным возвращает ему потерянные силы. Таким образом, миф притягивает в одну точку всю периферию. Это момент величайшего сосредоточения культуры. Мифология еще сильна, внешние границы ее непреодолимы, но уже намечается противостояние центра и периферии мифа. Приходится прилагать немалые усилия к собиранию культуры. Праздник осуществляет трансляцию жизненных сил от ее фокуса к окраинам. Здесь трансляция выглядит в виде радиуса, имеющего своим пределом территорию распространения мифа. Традиция цивилизации также представляет луч, но не упирающийся в границы культурного бытия и тем самым теряющий часть своей первоначальной силы. Здесь свойства мифа в большей степени сохраняют лишь религиозные праздники. Каждый праздник требует цикла, а значит, мифологии, в городе - мифологемы. Главная идея праздника - возвращение в детство. (От того, что в цивилизации преобладает линейность, праздники там становятся грустней⁵⁹.) Здесь снимаются те запреты, которые существуют в обыденности, из-за боязни их перерождения. Совместное торжество моделирует поведение, задает

---

⁵⁹ Виной тому также и календари, которые говорят не только о спасительном возвращении, но и о неумолимом отдалении от главного события.

начало и, тем самым, желаемый конец событиям. Рождение переходит в кончину, кончина в рождение. Для трансляции этого извечного движения применяется прежний набор средств: слова-табу, магия, обряд, заговор. Таким же приемом была и совместная трапеза. Она символизировала всеобщую жертвенность, поглощение старого мира, разрушение прежних границ и освобождение новой энергии творчества.

Праздниками человек как бы сам себя вытаскивал за волосы из болота, спасая в творческом созидании. Сначала они хронологически не совпадали, а могли быть связаны с особыми событиями. Тогда человек сам создавал себе праздник, а не ждал его наступления. Он был всемогущ и творил чудеса. С утратой уверенности в своих силах и переносом сакрального центра с земли на небеса люди все больше приурочивают торжества к каким-то внешним, условным событиям.

В основе мифологического празднества находится жрец. Он организатор и вдохновитель культурного прецедента. Эта фигура общества по своей природе праздна и освобождена от всех обыденных дел. Он стягивает космос, хранит в своем храме тайну жизни. Эта сила не должна размениваться и делиться. Жрец представляет собой первую форму власти⁶⁰. Она не имеет никакой социальной структуры, кроме него самого, и исходит из самого сердца мира. Служитель культа владеет миром. Символом его духовной власти служит искривленный жезл, часто обвитый змеей⁶¹. Этим он заметно отличается от прямого скипетра вождя, наделенного социальной властью. Прямизна говорит о большом напряжении общественных сил, упрощении культурного пространства, скрытом бессилии, воле. Жрец ближе к кругу, чем к черте. Присутствующий при нем символ змеи свидетельствует о преодолевшей разрыв универсальности мифа.

Как от праздника - к будням, так и от жреца - к соплеменнику происходит уменьшение мифа, ослабевает его притяжение. И в случае какой-либо вынужденной социальной атомизации, вызванной военными конфликтами, охотой или чем-то еще в этом роде, возвращаясь домой, люди возвращаются в миф. Этнос еще притягивал. Но пройдет еще немного времени и народы взорвут племена, а периферия центр.

---

⁶⁰ В цивилизации праздник связан с организацией власти. С изменением власти меняются и праздники.

⁶¹ Жрец в индоевропейской мифологической традиции связан со змеей. Он или держит ее в руках, или его жезл искривленной, обвитой змеями, формы. Кроме того близка этимология и семантика следующих слов: владеть - волос - велас (мифологический бог скота у славян и балтов) - шерсть - змея. Об этом пишет, например, Топоров В.Н. в контексте балтийской мифологии: Топоров В.Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф; к тому же длинные волосы - источник магических сил - являются атрибутом священнослужителей.

Последний период каменного века называют неолитом и связывают с ним появление новых элементов культуры. В неолите зарождаются земледелие и скотоводство. Традиционно это событие обозначается как неолитическая революция, приведшая к смене культурной парадигмы⁶². В конце каменного века динамика мифологии достигает своей предельной величины. На большую скорость она оказалась уже неспособной. Увеличились центробежные тенденции, повлекшие, в конце концов, совершенно иные социальные процессы. Но всему этому причиной послужили общекультурные механизмы. Изобретение земледелия и скотоводства не было эпохальным, поворотным пунктом общественного развития, как это принято считать. Оно вписывалось в мифологическую канву и стало следствием мифологического творчества. Эти виды человеческой деятельности нельзя считать производством. Миф вообще чужд производству. В нем ничего не теряется, он удерживает в себе плоды собственного творчества. Мифология - сама жизнь. Она присутствует в полной мере в любом своем фрагменте. Здесь нет уменьшения чего-то, потери, безвозвратной утраты, что свойственно производству. Производство пользуется мифологическими моделями, но в нем не хватает их целостности. Единственное, что оно может себе позволить, это концентрацию всей силы на каком-то участке пути - мифологему. После этого следует опустошенность и новое накопление сил.

Скотоводство и земледелие были естественным продолжением охоты и собирательства, т.е. тех древнейших элементов культуры, с которых она и начала свое становление. Это явилось творческой попыткой мифа не отпустить далеко от себя разрозненные элементы, притянуть их ближе к ядру, сохранить в главной орбите жизни. Кроме того, новые виды деятельности стали стремлением приблизить к сакральному центру и периферии природы. Доместикация животных и растений выглядит как смелая попытка собрать в доме под единой кровлей расползающийся мир⁶³. Эта мифологическая догадка способствовала уплотнению культуры и ее динамизму. Сакральный центр мирового дерева наполнился новыми знаками, но они не особо препятствовали продвижению влияния к окраинам мифа. Чтобы сохранить целостность, общество сконцентрировалось максимально. Оно стало почти самодостаточным. В одной локальной зоне находилось все: люди, боги, природа. Переселяясь, племена уносили с собой весь мир в виде прирученных животных и зерен растений. Человек того времени

---

⁶² Термин "неолитическая революция" впервые использовал Г. Чайлд.

⁶³ Древнейшие наземные дома были однокамерными. В них жили совместно и люди, и животные. Отголоски мифологических времен слышны и по сей день. Это проявляется в постоянном соседстве с человеком комнатных растений, домашних животных, птиц, рыб.

путешествовал вместе со своим домом, стараясь реже покидать его. Вне жилища боги становились все враждебнее.

Животноводство и растениеводство возникли одновременно и не существовали раздельно друг от друга, как и все в мифе⁶⁴. Это было чудесное преобразование природы. Новая идея вернула определенную целостность коллективу. Сблизившись с природой, введя ее к себе в дом, люди еще больше укрепились в своих силах и возможностях. Мифологическая встряска, авторитет фигуры вождя и совместные праздники сдерживали эгоизм части. Но это были последние усилия мифологии. Доместикацию животных и растений нельзя рассматривать отдельно от остальных процессов, и в первую очередь от общей ориентации сознания. Это не была хозяйственная революция, увеличившая численность населения и насытившая его⁶⁵. Эпоха мирового дерева заканчивала этап величайшей сбалансированности культуры. Такой творческой уверенности в своих силах человечество никогда иметь не будет. Мифология создавала все предпосылки для производства в цивилизации. Она стала кладезем могучей созидательной энергии человечества в последующей истории. Общество до сих пор изводит запасы, созданные первобытностью. Это детство культуры никогда не покидает ее и в зрелости, периодически возвращая к себе и пополняя тем самым ее творческие возможности.

Миф, насыщенный всевозможными знаками, необходимыми ему для распространения и регулирования жизни, оказался перегружен. Ему все труднее становилось приводить в движение свой символизм. Миф устал, отдельные его границы постепенно затвердевали. Ритмы центра и периферии не совпадали. В фокусе культуры создавалась энергия, но она все реже и реже возвращалась назад. Сила уходила на окраины, никуда, вслед за ней перемещалась и жизнь. Провинция отпадала. Миф был взорван периферией. Мифология исчезла. Она уже ничего не творила, ее работа шла вхолостую. Центр генерировал идеи, но пути их расходились и, в конце концов, терялись. Начался процесс всеобщей дифференциации культуры. Ее целостность распадалась на части, которые получали самостоятельную жизнь. И теперь, чтобы сохранить возможность жизни и динамизм в изолированных сферах, общество вынуждено количественно умножать эти разрозненные части.

---

⁶⁴ О зарождении земледелия и скотоводства см.: Алексеев В.П. Становление человечества. Гл. 11, 12; Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989; Он же. Доместикация животных и религия // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 178-209.

⁶⁵ Численность населения значительно возросла к моменту возникновения первых городов.

На протяжении всей первобытности язык оставался главным действующим лицом. Начало отчуждения в культуре не могло его не коснуться. Слово придавало символизм любому предмету. Имя делало значимым любую вещь. В эпоху мирового дерева стала намечаться определенная языковая структура. Слово оказалось своеобразным жрецом, стягивающим модификации вещей в единое смысловое пространство. Материальные тела тогда еще не теряли сакральности и имели в себе нераздельную полноту жизни. Разрушение неолитической модели мира и перемещение жизни на окраины сделали судьбу вещей относительно независимой от их словесного образа. Предмет перестал быть именем, так как превратился в периферию, но связь со словом в культуре им никогда не теряется. Это слово уже не символ, а проводник уменьшающейся целостности собственно имени, еще сохраняющего свою сакральность. Наричательность изменила характер понятий, категорий, терминов. Они приспособляются к множественности, бесконечному дроблению первоначального импульса жизни. На окраине мифа зародилась волна отчуждения, постепенно поглощавшая все его пространство. Разделение слова и его значения открыло дорогу бесконечному умножению вещей. Это делали люди, менее всего обремененные мифологическим сознанием. Появляющиеся на свет предметы получают жизнь условно⁶⁶. Многочисленные тела, обладающие самобытностью, схожи одним признаком - т.е. общим истоком. В нарицательных именах нет всей жизни, она постоянно уходит из них вовне. Человек пытается ее удержать всеобщим закрепощением границ, в том числе и языковых. Но понятия выпрямляют мир, делают его следствием властности. Через них все труднее передавать общемифологическую мысль. Жрец уже не может работать с такими словами, они не доходят до богов. Он оставляет себе свой тайный, табуированный язык. Слова также получили определенную самостоятельность, выразившуюся во флексии. Как и повсюду, особая их вольность стала чувствоваться в окончании, продолжающем падение полноты первоначального смысла. Отпадающие нарицательные имена теперь склоняются перед прошлым символизмом единого начала жизни, которое уже не передашь никаким термином-оберегом. О той идеальной целостности нельзя ничего сказать⁶⁷. Она обособляется от культуры и, скорее, сама может говорить, чем речь ее символизировать. Общество принимает страдательную форму. Возросшая активность его - следствие проявления высших сил. Главное не имя, потому что

---

⁶⁶ У Аристотеля нижним уровнем восприятия является вид.

⁶⁷ Это состояние духа отразилось, например, в учении даосов о первоначале, дао, у которого нет имени, о нем ничего нельзя сказать.

оно ничего не имеет, а действие как отголосок образа⁶⁸. Это время развития глагола и местоимения. Наричательные имена существительными можно назвать с определенной долей условности, т.к. в них заключена не вся сущность. Теперь идеи передаются сочетанием знаков звукового языка, вырастающих в предложения. Но и их первообраз выражается не в полном объеме, заставляя множиться речевые формы. Язык, как и все остальное, приобщается к общему механизму отчуждения.

Наричательные имена превращаются в совсем иные понятия, которые уже не впитывают разросшиеся в числе предметы как собственные, а удерживают их в потенциальном предельном единстве какой-то одной стороной, чаще всего общностью происхождения. Новые понятия довольствуются памятью, расставшись с актуальностью. Теперь они даже стимулируют разрастание материальных тел, производимых человеком. Их природа подобна солнечным лучам, открывающим все новые и новые пространства света и оставляя на пути плоды энергии источника. Миф раскрылся вовне. Чем дальше предмет от целостного образа первоизданности, тем больше он лишен его жизненной силы. Общество стало извлекать мифологические запасы в излишки, изъяты из сферы непосредственного бытия и сохраняющиеся в нем благодаря мифологеме понятий и категорий. Последние замыкаются, подобно мифу, и все, что происходит с вещами, происходит внутри них. Миф взрывается, давая импульс истории цивилизаций, вкладывая всю свою созидательную мощь в крупницы некогда неразрывного единства - мифологемы. В постмифологический период творческими способностями обладают только замкнутые единицы мира, соединяющиеся с другими в системы с устоявшимися структурами.

Предметы вырываются из слов, и так же, как в мифе, энергия жизни уходит на периферию, то есть к самому веществу. Оно разрастается и множится. Сознание подвержено начальным признакам тотального отчуждения. Оно охватывает все сферы культуры: общество, природу, идеальное. В обществе происходит разделение на основе видов деятельности и участия в осуществлении власти. Проявляется все более непреодолимая грань между природой с ее богами и коллективом. Возникает дисбаланс между микро- и макрокосмом, главные боги уходят с земли поднимаясь на небеса. Человечество становится совершенно безразличным к природе и может пускаться в далекие путешествия, подобно архантропам, перенося с собой только элементы культуры

---

⁶⁸ Изгнанному из рая Адаму было завещано трудиться, т.е. совершать разрозненные действия, которыми открывающееся жизненное пространство разбивается на отдельные спектры производства. В христианстве работа не считается путем к спасению. Туда ведет особое, умное деяние, очищающее душу.

универсального свойства⁶⁹. Идеальное размыкается. Энергия первобытной сбалансированности сознания уходит в неравномерность развития отдельных его отсеков. Всеобщность знания уступает дорогу специализации, и только сакральный центр сохраняет еще какую-то долю мифологичности. Общаясь на своем тайном языке с богами, жрец транслирует всем собравшимся у священного пламени костра исходный импульс рода. Перенасыщенный знаковой миф, затрудняясь в движении, рухнул на землю. Начинаясь история будет озабочена, в большей степени, нескончаемым устроением земли, и только религия станет напоминать обществу о временах целостной первобытной культуры.

Излишки вырвавшихся из слов вещей оказались чуждыми мифологии. Они совершенно не притягивались к центру, с ними что-то следовало делать. Это были расползающиеся в разные стороны змейки отчужденности, с которыми этот древнейший культурный символ только и мог справиться⁷⁰. Множеством необходимо владеть, не сливаясь с ним, оставаться по отношению к нему отчужденным, и в то же время властвовать над массой, направлять на нее импульс собственной воли, направлять путь ее движения. Излишки порождают власть и волю, первоначально социальную, а затем и личную. Они стали символом всеобщего разделения, на этом принципе развивается культура эпохи цивилизации. Множество в общий дом уже не введешь, оно ориентировано вовне, уходит в бесконечность, унося с собой жизненные силы коллектива. Начинаясь производство с каждым разом все увеличивается и становится главным показателем общественного здоровья, что еще раз подтверждает величину творческого потенциала, скопленного первобытностью.

Излишки предназначены не для общества, и, чтобы постоянно не разрушать его, должны быть кем-то поглощены. Без всеобщего разделения культуры они никогда бы не возникли, им попросту не хватило бы творческой энергии. Специализации обязано не только умножение, но и потребность. Последняя является способом изъятия числа и возвращения ему жизненной силы. На этом строится противопоставление стоимости и потребительной стоимости. Люди стали заниматься тем, что создавали не нужное для себя, а предназначенное кому-то. Этот кто-то, невидимый сам по себе, уничтожает весь смысл их долговременной

---

⁶⁹ Мифологический период в истории культуры отличался относительной оседлостью. С его упадком общества вновь снимаются со своих мест.

⁷⁰ Ср. частый мифологический сюжет о змее, стерегущей клад. Змея в мифах связана с богатством, плодородием, счастьем. В европейских сказках змея часто дарит ребенку цветок, придающий ему особые силы.

деятельности, переживаний, отрезка жизни, оставив взамен предмет, с которым ничто не связано, но который необходим для заполнения создавшегося жизненного вакуума⁷¹. Сначала это продукт, а затем и его эквивалент - холодный пепел жизни, пустой знак, который может быть проводником силы, но не ее источником. Деньги действительны потому, что они служат символом всеобщего отчуждения, разделения и излишества⁷². Стоимость - это не только запечатленная социальная энергия, но и скрытые возможности, реализуемые потребительной стоимостью. Эти два свойства товара говорят о наметившейся бескрайней стихии жизни, забытой еще со времен неандертальца. Затрачивая энергию мышц, ума и сердца, человек создает обратное своему желанию и, отпуская свой произведенный продукт в небытие, получает оттуда необходимый предмет, попавшийся к нему в невод денежного знака. Эта находка говорит о чьей-то совершенно иной жизни, ставшей своей благодаря магии денег. В цивилизации они оказались конкурентом слова, противоречием⁷³.

Излишки существуют для того, чтобы их кто-то освоил, но сделав это, он сам отпадает от целого, становится лишним. В поздней мифологии эта тенденция только начинается, завершившись в цивилизации устойчивой социальной структурой и личной собственностью. Но уже в это время появляется начало, собирающее все отчужденное и само являющееся следствием общественного отчуждения. Речь идет о власти нерелигиозного характера, создающей целостность, преодолевающую рознь. Новая сила социального происхождения строит единство на разделении. Это своеобразный силос для уходящих возможностей жизни. Он концентрирует их, придавая им направление развития, использует в общественных отношениях. Внешне эта сила выражена в лице вождя племени, управляющего им, в отличие от жреца, выпрямляющего его путь. Данная фигура вышла из охоты и является квинтэссенцией мужской силы на закате первобытности. Это самый сильный, самый ловкий человек, доминирующий по причине своих качеств. Но здесь не доминанта неандертальца-одиначки, а общественная потребность выделить новый центр, сродни сакральному, с которым бы символизировались пробудившиеся линейные силы коллектива. Личность вождя - это первая личность в истории культуры. Ее право поддерживается новым ук-

---

⁷¹ В этом заключается своеобразный демонизм рынка.

⁷² Большинство утопических теорий критикуют деньги, видя в них источник общественных бед.

⁷³ В европейских городах изначально существовало два центра: верхний город, где сосредоточивалась власть государственного, указующего слова, где находилось организующее порядок начало, и нижний город с рыночной площадью, где гнездилась стихия денег и торговли.

ладом жизни общества. Энергия мифа, высвобожденная излишками, оставалась без пристанища. Стяжав ее, вождь сам становится лишним, лицом, отчужденным от непосредственного переживания с обществом. Новая власть бессловесна, она не умеет слушать, ее действие направлено вперед, как и все движение постмифологической жизни.

Правитель не только концентрирует вокруг себя множественность вещей, возвращая им действенность, но и освобождающихся из мифологической жизни людей. Объединившись вокруг него, эти излишки соплеменников представляют собой особый количественный механизм для поглощения, уничтожения или уменьшения возрастающей массы элементов культуры. В мифологии устранить что-либо из бытия было невозможно. Позднее многое само выходит из орбиты его притяжения. Выходящее лишено прежней значимости и, следовательно, сакральности в отношении к нему. Оно слабо определено, почти ничто. Из общества его нужно изъять, убавить - убить. Власть силы освобождает общество от излишков, в то же время сама являясь следствием умножения. Убийства оправдываются. Охота на людей становится более прибыльной, чем на животных. Периферийная энергия концентрируется у вождя. Она возвращается в общество самыми неожиданными путями. Целые племена, подобно высвобождающимся предметам, снимаются с мест и уходят на окраины ранее освоенного пространства, приводя в движение соседей. И, как снежный ком, они множатся в числе, разрушают ранее существовавшие границы родов, общин, этносов. Так начинается эпоха изведения людских ресурсов, войн и переселения народов⁷⁴. Человечество охватила волна всеобщего смятения. Если раньше границы мифа были непреодолимы, то теперь они сами просятся к преодолению - началось великое преступление границ. Изменилась этническая картина⁷⁵. Мифологические племена имели одинаковую структуру и не являлись препятствием для проникновения через них других, сами произвольно то присоединяясь, то оседая. Союзы племен не имели ничего общего, кроме военных целей. У них были разные боги и языки. Но стремление к бесконечному переделу делало их соседями. Первобытный род не потерял вовсе своей значимости, но открылся теперь в сторону внешней произвольности, нарождаясь массой случайного соседства. Теперь границы разъединяют своих и объединяют чужих.

---

⁷⁴ Индоевропейцы, достигнув этого состояния в эпоху бронзы, расселились на значительной территории, создав многочисленные цивилизации Земли. На закате античности многочисленные варварские народы с Севера и Востока нахлынули на Римскую империю, изменив политическую, этническую и культурную ситуацию в этом регионе.

⁷⁵ Об изменении этнических процессов этого времени см.: Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.

Война превратилась в мифологему. Она вращалась в собственной орбите жизни. Силе людских рук не существовало предела. Очень похоже, что это была первая революция в истории культуры⁷⁶. Эта битва излишек не создала ничего и не спасла мифологию. Она продвинула культуру на край пропасти, вызванной победой окраин над центром. Разгулу силы предел может положить только другая сила. Спустя немного времени, силовая стратификация человечества проявится в возникновении городов и государств.

Чтобы полностью не выйти из бытия, князь и его дружины должны помнить о сакральном центре, находя в нем твердую основу и черпая оттуда мощь. Но жрец и храм получают собственную мифологему, в отличие от мифа, они скрыты от мира. Универсальность исходящих оттуда импульсов потенциальна, т.к. множество заостренных границ делает их трудно преодолимыми. Человечество взрослеет, а прошлое превращается в сказку. Постоянно обращен к богу только священник. Ему известны тайные знаки. Свойство этих знаков прежнее - они символы. Они по-прежнему играют переливами границ. Но в обществе постепенно вызревает потребность в другого рода знании, в основе которого кроется относительная устойчивость рубежей. Вначале они еще как-то примыкали к жрецу, тем самым мифологизируясь; но с дальнейшим распадом мифа сакрализировать все знания стало уже делом невозможным. В обществе выделяется категория людей - носителей профанной мудрости. С их появлением начинается познание мира в поисках истины в огромных развалинах отчужденностей. Языческий жрец не мог быть познающим: ему дана вся полнота жизни, а не ее черепки, из которых трудно сложить целостность. Ему не надо жертвовать собой, чтобы стянуть границы бытия, как это делает творец цивилизации.

Новый вид знания - знание не единства, а множественности, для которой нужно каждый раз определять иные границы. Освобождаясь от первобытности сознания, рациональное в каждой своей форме несет угасание мифологической целостности. Сферы идеального начинают формализоваться. Появление чисел - прямое подтверждение этому. Оно одновременно является и дроблением единицы, и самостоятельным качеством, препятствующим хоть на какое-то время разрастанию множе-

---

⁷⁶ Именно в этот момент, непосредственно предшествующий возникновению городов, а не в неолите, произошла первая социальная революция с ее извечным вопросом о власти и перераспределении собственности. Кроме того, революции характеризуются борьбой общественной периферии с центром, как это произошло при распаде мифологии. Следствием этих социальных катаклизмов является полоса затяжных войн, часто переходящих границы этноса (французская революция XVIII века; русская революция XX века). Итогом же всех событий служит новая мифологема - временное притяжение излишек к центру.

ственности. Первые числа носили сакральный характер, но потом они выходят из храма. Математика отражает не столько производство вещей, сколько всеобщее состояние рационального, освобождающегося от своей однородности - неповторимого дара мифа.

Начавшееся материальное производство, изводящее духовные силы человека, в меньшей степени словесно. Оно величит тело, утверждая путь по земле. Разнообразие идеального стимулирует открытие новых видов сырья и технологий. Длившийся миллионы лет век каменной индустрии уступил дорогу веку металла, что привело к еще большей дифференциации хозяйства. Выходящее из-под контроля сознания рациональное по-другому рождает свои идеи. В большей степени они являются не образами, а изобретениями и открытиями. Умножение вещей не изменяет их сути. Зарождающееся ремесло связывает массу продукции в отдельные профессии. Руки формализуют вещество: вещи бунтуют против слов. Демифологизированные люди заняты производством продуктов земледелия, скотоводства, ремесла и войны. С образами никто не желает работать. Они отчуждаются от числа. Теоретическая, божественная сфера остается уделом жреца. Но чем больше разваливается мифологическая культура, тем существеннее меняется его положение в обществе. Ему все труднее справляться с вакханалией силы разрушения. Освобожденные от целостности социального организма руки общества таят в своей одиночной деятельности много опасностей. И только в городе голова приберет их, скрепив союз святостью сердца. Но остановить процесс фетишизации рук могла только свободная сила, сосредоточенная в лице вождя, авторитетного представителя союза племен.

Производимые товары стремились к границе мифа. Переполненный множеством, он не в силах удерживать их в своем влиянии. Жизнь уходила к границам общества, туда, где ранее находились совершенно чужие люди. Теперь род нуждается в них больше, чем в своих, т.к. они составляют условие изменяющейся жизни. Контакт с другими этносами приводит к образованию новой общности, уже не замкнутой, религиозной, объединяющейся вокруг храма, а той - центром которой является открытая торговая площадь. Ее сила поддерживается беспрестанным вращением уже не мифологического начала, а денег - главного символа отчужденности жизни. Новый бог обмена больше привлекает поклонников, чем боги маленьких родов. Язычество постепенно превращается в свою противоположность - разделяющий фактор.

С началом демифологизации изменяется и семейный уклад рода. На первое место выходит мужчина. Он, периферия семьи, вырвался на свободу и все больше отчуждается от домашнего очага в хозяйственных

и военных делах. Но вместе с тем, его заслуга в обеспечении семьи излишками, чем было вызвано значительное увеличение населения в период, непосредственно предшествующий образованию города.

К концу мифологического времени культура вновь оказалась в кризисном состоянии. Как и в палеолите, появившиеся излишки предметов, идей и людей привели к небывалой активизации общественных процессов. Неорганизованная жизнь вновь показала свои разрушающие возможности. Скопленные мифом силы оказались способными разрушить все то, что им когда-то сберегалось. Как и неандертальцы, люди всеобщего разделения культуры, эпохи обмена, войн и грабежей не выдержали тяжести культурных открытий. Эти процессы протекали синхронно на всей территории Старого света, освоенной еще питекантропами. Особая их активизация отмечалась в местах с наибольшей концентрацией населения. Это районы Китая, Индии и Средиземноморья. Разомкнутая культурная среда обратила достижения человечества против него и привела к деградации. Но огромные запасы мифа помогли сохранить культуру как форму бытия. Как неандерталец сменился в очень короткий срок почти одновременно человеком разумным, так и полоса всеобщего кризиса постмифологической культуры сменилась новой общественной ситуацией, вызванной появлением города. Культура с момента возникновения городов - цивилизация - получает иное направление развития, определяемое новыми универсальными основами.

Глава III

Становление философии в структуре духовной культуры

Исследованию проблемы генезиса философии посвящена обширная литература, охватывающая работы как отечественных¹, так и зарубежных авторов².

Показательно, что при таком избыточном количестве исследований данная проблема до сих пор остается не полностью решенной. "Как ни

---

¹ Аверинцев С.С. Эволюция философской мысли // Культура Византии. IV - первая половина VII в. М., 1984; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 1963; Ахутин А.В. У истоков теоретического мышления // Вопр. философии. 1973. N 1; Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII - V вв. до н.э. Л., 1985; Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М., 1972; Чанышев А.Н. Начало философии. М., 1982; Комарова В.Я. Становление философского материализма в Древней Греции. Л., 1975; Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. М., 1991; Донских О.А., Кочергин А.Н. Античная философия. М., 1993; Богомолов А.С. Античная философия. М., 1985; Джохадзе Д.В. Основные этапы развития античной философии. М., 1977; Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989; Шохин В.К. Брахманистская философия. М., 1994; Шахнович М.И. Происхождение философии и атеизм. Л., 1973; Скоробогачкий В.В. Проблема начала философии // Историко-философские исследования. Проблемы методологии. Свердловск, 1988; Каменский З.А. История философии как наука. М., 1992; Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. М., 1969 и др.

² Подробный перечень авторов и их трудов по проблеме становления философии занял бы многие страницы. См., например: Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1956; Томсон Дж. Первые философы. М., 1959; Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М., 1984; Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985; Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988; Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М., 1955 и др.

странно может это показаться, - отмечал в этой связи известный историк философии А.С. Богомолов, - возникновение философии до сих пор представляет проблему, по поводу которой спорят многочисленные исследователи, принадлежащие к различным течениям и школам"³. Он называет три обстоятельства, обуславливающие затруднения в решении указанной проблемы: 1) "невозможность однозначно определить "момент" возникновения философии"⁴; 2) расхождения в истолковании подлинного смысла сохранившихся текстов, их фрагментов и интерпретаций; 3) "неоднозначность понимания философии различными ее направлениями..."⁵.

Полностью соглашаясь с этими тезисами, считаем необходимым более подробно рассмотреть третий, так как от того, что имеется в виду под философией тем или иным философом, напрямую зависит и понимание им проблемы ее генезиса. Более того, "изучение... возникновения и последующих фаз совершенствования и развития предмета не может даже начаться без понимания того, что это за предмет, каковы его специфика, существенная определенность"⁶.

На мой взгляд, существуют некоторые специфические условия и особенности познавательной ситуации, связанные с проблемой возникновения философии. Среди них имеются подходы, способствующие "упразднению" самой проблемы. Так, например, если согласиться с утверждением "сколько философов, столько и философий" (взятом в несколько парадоксальном смысле), то из него вполне логично сделать вывод, что столько же раз возникает и указанная проблема или ее вообще не может быть.

Однако будем исходить, во-первых, из того, что мы сейчас рассматриваем не вопрос о возникновении отдельных философских учений, идей или систем и не творчество отдельных философов, а проблему происхождения философии как особой формы духовно-практического освоения мира человеком, специфического феномена духовной культуры.

Во-вторых, следует исходить из необходимости четкого различения двух взаимосвязанных вопросов, возникающих при исследовании данной проблемы: 1) **как** возникла и оформлялась философия, какие этапы становления проходила; 2) **почему** возникла философия, что сделало необходимым ее становление и бытие? По моему мнению, в ответе

---

³ Богомолов А.С. Античная философия. С. 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Кохановский В.П. Диалектико-материалистический метод. Ростов-на-Дону, 1992. С. 124.

на второй вопрос логическое должно превалировать над историческим, а на первый - наоборот, доминировать должно историческое. В историко-философских исследованиях в фокусе внимания обычно оказывался первый вопрос. Имеется обширная литература (см. сноски 1 и 2), как зарубежная, так и отечественная, в которой осуществлен глубокий и детальный анализ процесса формирования философии на Западе (Древняя Греция) и на Востоке (Китай, Индия), преобразования мифологического, религиозного и зачатков научного знания, элементов художественного освоения мира в философско-мировоззренческое, рефлексивное знание. Таким образом, первый аспект проблемы генезиса философии обоснованно можно считать достаточно полно исследованным, хотя и здесь имеются некоторые моменты, требующие дополнительного прояснения (на них я остановлюсь дальше).

Что касается второго аспекта проблемы - почему возникла философия - то далеко не все ясно и однозначно истолковывается в историко-философской и культурологической литературе. Исследования указанной проблемы свидетельствуют о том, что возникновение философии - явление не случайное, оно обусловлено рядом причин и обстоятельств. Они столь существенны, что позволяют выдвинуть тезис: философия - это закономерный и необходимый результат сложившихся социально-культурных условий и духовно-нравственных факторов в ряде стран античной Европы и Древнего Востока. Совокупность этих условий и факторов целесообразно обозначить понятием "предпосылки". Тщательный анализ предпосылок позволит ответить на вопрос, почему возникла особая форма общественного сознания, специфический вид духовно-практического освоения реальности, получивший название "философия".

Всю совокупность предпосылок возникновения философии можно разделить на следующие группы:

- социально-экономические;
- социокультурные;
- духовные.

Важность выявления и адекватной оценки роли каждой из них является очевидной. Между тем такая оценка еще не достигнута, имеет место недооценка одних и переоценка других групп предпосылок. В марксистской историко-философской традиции, например, наблюдалась переоценка роли социально-экономических факторов в формировании философии, что в целом соответствовало известным в историческом материализме законам определяющей роли способа производства в развитии общества, экономического базиса по отношению к надстройке, общественного бытия по отношению к общественному сознанию. Не-

смотря на существенные оговорки в истолковании детерминирующей функции базиса по отношению к надстройке, содержащиеся в позднем классическом марксизме (и прежде всего в известных письмах 90-х годов Ф. Энгельса), подобная переоценка оставалась инвариантной для марксистских историко-философских исследований.

Однако объективный, непредвзятый подход к познанию процесса становления философии позволяет убедиться в неправомерности переоценки влияния на него (т.е. процесс) социально-экономических факторов, условий и характера материального производства. Речь не о том, чтобы вообще отказаться от признания такого влияния - оно очевидно, игнорировать его невозможно. Опыт развития мировой философии выявляет наличие сложной опосредованной, многоступенчатой связи между социальным строем, уровнем и характером развития материального производства, экономики, с одной стороны, и спецификой развития философии, с другой. Причем преимущественное влияние осуществляется в направлении от социально-экономических условий к философии. Наиболее "ощутимо" и значительно это влияние сказывается на социальной философии, истолковании природы социума тем или иным мыслителем, его прошлого, настоящего и будущего (см., например, социально-философские учения Платона, Ф. Бэкона, Гоббса, французских просветителей и материалистов XVIII в. и др.). Имеет место и достаточно существенное обратное влияние философии на социально-экономическую сферу жизни общества, причем не менее сложное и многоступенчатое⁷.

И тем не менее, вряд ли можно считать корректным возведение социально-экономических условий в ранг одного из решающих детерминирующих факторов становления и развития философии (что было в целом характерно для "советского" варианта марксистской философии). В историко-философской литературе установлен факт формирования философии как формы духовного освоения мира в период, начиная с VII-VI вв. до н.э. Это время обычно принято считать эпохой становления рабовладельческого общества. Но это обстоятельство не означает, что одно (формирование философии) следует объяснять исходя из другого (рабовладельческой формации).

---

⁷ Нет необходимости специально рассматривать здесь это влияние, поскольку, во-первых, это непосредственно не входит в нашу задачу; во-вторых, проблема эта достаточно обстоятельно исследована в отечественной философской литературе. См.: Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. М., 1969; Донских О.А., Кочергин А.Н. Античная философия. М., 1993; Богомолов А.С., Ойзерман Т.И. Основы теории историко-философского процесса. М., 1983.

Тот факт, что философия возникает в недрах рабовладельческого общественного строя, вовсе не означает, что она возникла по причине существования этого строя. Последний - лишь условие, необходимое для ее возникновения, но отнюдь не причина. Исследователи, стоящие на позиции признания "жесткой" детерминации социально-экономическими факторами процесса становления философии, отмечают наличие ведущего противоречия рабовладельческого общества - противоречия господства и рабства - и отчуждения личности как его следствия⁸. Однако представляется крайне затруднительным (если возможным вообще) вывести становление философии из этих явлений, действительно имевших место в общественной и индивидуальной человеческой жизни в античной Греции. Во-первых, зарождение философии происходило и в иных социально-экономических условиях, при отсутствии "классического" (европейского образца) рабовладения и отчуждения личности - в древней Индии и древнем Китае. Во-вторых, существовала многоступенчатая связь между развитием античного рабовладельческого строя и возникновением философии как более сложного упорядоченного типа мировоззрения⁹.

Таким образом, существование рабовладельческого строя, обострение его внутренних противоречий можно рассматривать в качестве одного из условий, опосредованно повлиявших на процесс зарождения философии, но отнюдь не как причину этого процесса.

Приступая к рассмотрению роли социально-культурных условий возникновения философии, следует прежде всего раскрыть их содержание, наметить его границы. Понятие "социокультурные условия (или факторы)" охватывает весьма широкий спектр общественных явлений, включая специфику социальных отношений (в узком смысле), особенности функционирования политико-правовой сферы общественной структуры, а также культурные традиции, ценности и нормы. Все это не могло быть "нейтральным" к процессу формирования философии, а оказывало на него способствующее или тормозящее воздействие. Например, фактом, установленным в историко-философской науке, является благоприятствующее влияние демократии древнегреческих полисов на утверждение античной философии. Вместе с тем очевидна недопустимость переоценки этого влияния, если учесть, что в Древней Индии и Древнем Китае первые философские учения и школы возникали в условиях отсутствия всякой демократии.

---

⁸ См.: Богомолов А.С. Античная философия. С. 18.

⁹ См. об этом, например; Донских О.А., Кочергин А.Н. Античная философия. Гл. I-II.

При анализе социокультурных условий исследователи обычно выделяют и подчеркивают позитивную роль такого фактора, как происшедшее при переходе к классовому обществу отделение умственного труда от физического, появление особых социальных групп людей, занимавшихся только или преимущественно умственным трудом. Роль данного явления в возникновении философии как особой разновидности духовного освоения человеком окружающего мира и самого себя трудно переоценить: оно составляет одно из необходимых социокультурных условий, без наличия которого становление философии было бы невозможно.

Духовными предпосылками и источниками формирования философии следует считать такие сферы духовной культуры, как зачатки научного знания и мифология. Они являются предпосылками, поскольку без них философия, как это убедительно показано в историко-философских исследованиях, не могла бы возникнуть¹⁰.

В ряду проблем, связанных с процессом становления философии, особое место принадлежит проблеме роли религии. В марксистской историко-философской литературе было общепринято подчеркивать однозначно негативную роль религии в этом процессе, в результате получалось, что философия возникла не благодаря, а вопреки религии. На первый (поверхностный) взгляд, вывод этот представляется логичным: ведь религия и философия имеют существенно различные основы - первая зиждется на вере (и только на ней), а вторая - на знании и логике. Однако при более широком (культурологическом) подходе к вопросу нельзя не заметить узость (если не сказать предвзятость и ошибочность) такого взгляда. В научной истории философии убедительно исследован процесс "отпочкования" собственно философских идей из изначально синкретического обыденно-религиозно-мифологического знания, которое обнаруживается в древнейших памятниках индустской культуры (в первую очередь, в ведических гимнах).

Весьма интересный, сущностный подход к рассматриваемой проблеме предложен в статье В.В.Скоробогачко¹¹. В ней обоснована необходимость сочетания исторического и логического аспектов при исследовании начала философии, его историко-генетической и логической реконструкции. Автор отмечает, что становлению философии (речь идет о древнегреческой философии) "предшествовал антрополо-

---

¹⁰ См., например: Трубецкой С.Н. Курс древней философии // Собр. соч. М., 1912. Т. V.; Флоренский П. Общечеловеческие корни идеализма. Сергиев Посад, 1909; Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993; История философии. М., 1957. Т. 1.; Богомолов А.С. Античная философия.

¹¹ Скоробогачкий В.В. Проблема начала философии.

гический поворот культуры", "который сопровождался поворотом мышления от традиции к рефлексии"¹². Этот поворот от мифа и религии к логосу есть не что иное, как переход к качественно иному типу знания, переход от веры к аргументации, обоснованию, доказательству. Поэтому когда мифология и религия рассматриваются как источники философии, это нельзя понимать в буквальном смысле, как то, из чего формировалась философия. По-видимому, более корректным будет понимание их как некой точки отсчета философского знания. Однако это касается главным образом становления древнегреческой философии. Формирование философии в странах Древнего Востока (Индия, Китай) происходило в значительной степени по другому "сценарию"¹³. В целом же при рассмотрении проблемы генезиса философии как одного из феноменов культуры логичен вывод о ее возникновении из потребностей развития социума, самой культуры и личности.

В этой связи нельзя не учитывать значимости психологического фактора, сыгравшего заметную роль в возникновении философии. Суть дела заключается в том, что всем ходом предшествующего развития культуры сознание личности (это касается не только индивидуального сознания философов, но и сознания "среднего" индивида древних раннеклассовых обществ) было "подготовлено" для продуцирования и понимания философских идей, вплотную "подведено" к уровню философской рефлексии. Это обстоятельство на характерном для него нарочито усложненном языке отмечено М. Хайдеггером: "Бытие существования здесь в мире определено осмотрительно-озабоченным устроением дел. При этом у существования есть возможность отвлечься от устроения дел, обратив свою осмотрительность в нечто самостоятельное. Так возникает философия, так возникает наука вообще. Наука - это рассудительное созерцание мира, раскрытие его в его бытии..."¹⁴.

По-видимому, этот психологический фактор имел место во всех вариантах процесса формирования философии, потому его также следует рассматривать и оценивать как одно из его общих и необходимых условий и предпосылок.

---

¹² Там же. С. 79.

¹³ См. об этом: Радхакришнан С. Индийская философия. Гл. 1. Некоторые отечественные исследователи истории индийской философии отмечают ряд сходных характеристик в генезисе древнегреческой и древнеиндийской философской мысли. См., например: Шохин В.К. Брахманистская философия. Гл. VI.

¹⁴ Хайдеггер М. Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни: Десять докладов, прочитанных в Касселе (1925) // *Вопр. философии*. 1995. N 11. С. 135.

Оглавление

Введение	4
Глава I	
СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ	7
1. Австралопитеки	7
2. Питекантропы	17
3. Неандертальцы	28
Глава II	
ПЕРВОБЫТНОСТЬ КУЛЬТУРЫ	42
1. Становление мифа	42
2. Мифология	51
3. Разрушение мифологии	68
Глава III	
СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ В СТРУКТУРЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ	85